

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«АНТРОВИТА»

**ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД**

МОНОГРАФИЯ

сетевое издание

Западный
2019

УДК 304.2
ББК 6/8

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Башкирского государственного медицинского университета

Д.М. Азаматов;

доктор экономических наук, профессор кафедры
экономической теории и регионального развития
Челябинского государственного университета

А.Ю. Даванков

Ч 39

**ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД** [Электронный источник]: монография /
коллектив авторов; под общ. ред. С.П. Решиковой. – Западный:
Научно-исследовательский центр «АнтроВита», 2019 – 103 с. – URL:
[http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Человек-в-современной-социальной-
реальности_комплексный-подход.pdf](http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Человек-в-современной-социальной-реальности_комплексный-подход.pdf).
ISBN 978-5-6041896-6-5

В монографии опубликованы научные статьи, содержащие результаты теоретико-методологических и прикладных исследований проблемы существования человека в современной социальной реальности. Издание рекомендуется в качестве научной литературы сотрудникам научных организаций, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, а также широкому кругу специалистов.

ISBN 978-5-6041896-6-5

УДК 304.2
ББК 6/8

© ООО Научно-исследовательский
центр «АнтроВита», 2019
© Коллектив авторов, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография «Человек в современной социальной реальности: комплексный подход» посвящена изучению важнейшей научной проблемы социально-гуманитарной сферы, которая, по сути, оставалась главной на протяжении всей истории развития человечества, начиная от античности и до наших дней – это проблема человека и его места в окружающем мире. В данном случае исследовательский интерес представляет не природное, физическое, а социальное окружение, общество, неизменной составляющей которого является личность. Ещё К. Маркс определял сущность человека как «совокупность всех общественных отношений». Социальная реальность – способ бытия каждого человека, благодаря которому он может развиваться сам и изменять окружающее его социальное пространство. Именно комплексный подход к изучению обозначенной проблемы дает возможность охватить все формы взаимодействия между индивидами согласно общепринятым принципам, законам и социальным представлениям, не теряя при этом понимания универсальности и уникальности каждой личности.

В двадцатом веке проблема существования человека в современной социальной реальности становится крайне актуальной: изменяются не только представления человека об окружающем мире, меняется и он сам. Стремительные преобразования в социальной жизни и образовании, детерминированные прогрессом науки, требуют от человека развития творческого подхода к себе и своей деятельности для своевременной адаптации к постоянно меняющимся общественным вызовам. Одновременное наличие социальной и виртуальной реальностей и прогрессирующие процессы всемирной урбанизации вызывают ценностные парадигмальные сдвиги в системе общественных отношений и требуют поиска новых путей коммуникации для согласованного существования людей.

В одной из глав монографии представлено исследование процесса формирования личности в условиях постоянно усложняющейся городской среды. Раскрывая понятие «креативное городское пространство», авторы выявляют культурно-креативный потенциал городского поселения, способный оказывать влияние на формирование ценностей человека.

Далее, в качестве одного из факторов успешного развития современного гражданского общества, при котором возможно желаемое социальное благополучие и высокое качество жизни населения, исследователями рассматривается социальная работа как полифункциональная профессиональная деятельность.

Важное место в монографии принадлежит исследованиям соотношения семантики языковых единиц с проецируемым в них миром действительности. Язык рассматривается как средство, определяющее существование человека в обществе.

Роль личности в социально-коммуникационном пространстве раскрывается через исследование культурно-речевого аспекта её деятельности. Исследуются изменения речевого этикета под воздействием новых коммуникационных технологий, определяется специфика новых этикетных норм интернет-коммуникации.

Все главы издания логически взаимосвязаны и отражают современную точку зрения на исследуемые проблемы. В монографии содержатся как фундаментальные теоретико-методологические, так и прикладные исследования.

Издание может быть использовано в качестве источника научной литературы специалистами в области философии, филологии, культурологии, а также широким кругом читателей, интересующихся проблемой существования человека в современной социальной реальности.

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ГОРОДОВ СКФО И ЮФО¹

Д.Н. Суховская

Введение

Идея этого исследования заключалась в том, что города с высоким индексом человеческого потенциала должны удовлетворять их жителей независимо от своей величины, в противовес городам с низкими показателями этого индекса.

Проверка данной гипотезы осуществлялась с помощью социологического исследования в выбранных четырех городах Северо-кавказского и Южного федеральных округов: Пятигорске, Ставрополе, Ростове-на-Дону, Краснодаре.

Опрос акторов креативных пространств преследовал две цели:

- выявление отношения горожан к условиям жизни в своем городе;
- проверку предложенного метода расчета индекса человеческого потенциала, выяснение того, насколько он соотносится с мнением жителей о качестве городской среды.

В описанном в статье исследовании, проведенном в форме анкетирования, участвовали 1438 человек.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Международным Научным Фондом «Антонио Менегетти» проекта «Роль творческой среды города в преодолении кризиса ценностных ориентаций личности в современной России (на материалах креативных кластеров и креативных пространств городов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов)»

На основе опросов и были выделены четыре группы горожан – в зависимости от их требований к городской среде, заинтересованности в тех или иных аспектах развития города и степени мобильности.

Результаты исследования

В зависимости от собственного отношения к месту проживания, а также от ценностей и ожиданий от места проживания жители СКФО и ЮФО могут относиться к одной из четырех групп.

У трех из этих групп можно выделить общий признак – предрасположенность к оседлости, пассивность, нежелание активно перемещаться.

Жители, относящиеся к четвертой группе, напротив, демонстрируют активность в плане смены места проживания.

Если при планировании города будут учтены мнения представителей всех четырех описанных выше групп, то город повысит свою комфортность для всех категорий жителей.

1. Ценители городской инфраструктуры, эстетики.

К первой группе можно отнести 32,2% респондентов, принявших участие в опросе. Это так называемые «полные» горожане. Для них главной ценностью города является возможность существовать в обществе, находиться в городе, чувствовать его энергетику и эстетику. Городские жители, относящиеся к первой группе, активно создают и используют всевозможные социальные связи, пользуются культурными возможностями, предоставляемыми им городом.

Следует заметить, что 65,3% жителей, относящихся к первой группе, имеют высшее образование – это наивысший показатель среди всех четырех групп. Самыми высокими являются и их доходы: согласно опросу, более 50% активных горожан имеют доход как минимум в 50 тысяч рублей ежемесячно.

Городские жители, относящиеся к первой группе, во главу угла ставят благоустройство города, наличие хороших мест трудоустройства, а также возможности для образования. Они являются активными посетителями магазинов различного формата – от киосков «у дома» до крупных торговых центров. Их досуг проходит в музеях кинотеатрах, кафетериях, а также театрах. Представителей первой группы горожан часто можно увидеть в центре своего города, но нередко они не выделяют в своем городе какой-то предпочтительной части.

Горожане, относящиеся к первой категории, ценят городской облик. Они обеспокоены количеством и качеством зеленых зон в своем городе. При этом местное самоуправление подобным горожанам неинтересно: они очень редко проявляют активность непосредственно по месту жительства.

2. Горожане, ставящие во главу угла свои дворы, дома.

22,2% жителей городов можно отнести ко второй группе. Их преобладающий интерес – жизнь собственных дворов, домов. Они акцентируют внимание на проблемах ЖКХ, качестве жилья, а также принимают активное участие в жизни дома, управлении им. Именно те жители, которые относятся ко второй группе горожан, чаще других участвуют в субботниках.

Чаще всего представителями второй группы горожан являются люди, которые проживают в удаленных от центра районах, а трудоустроены в центральной части города. Вследствие этого они уделяют большое внимание тому, как функционирует общественный транспорт.

Что касается среднего возраста горожан, причисленных ко второй группе, то обычно это люди среднего возраста. Средний доход одного гражданина, причисленного ко второй группе, колеблется в диапазоне от 15 до 25 тысяч рублей.

3. Домоседы.

У горожан, причисленных к категории «домоседы» (третья группа городского населения), нет каких-либо ожидания от города, стратегий поведения в нем. Они демонстрируют пассивность во всех вопросах, связанных с городом. Следует отметить, что «домоседы» – самая многочисленная группа горожан: о своей принадлежности к ней заявили 42% респондентов. Главные ценности, которые может предоставить «домоседам» город – хорошая ситуация с устройством детей в сады и школы, качественное образование и здравоохранение. Что касается функционирования транспорта и организации досуга, то эти аспекты жизни города интересуют «домоседов» в минимальной степени.

Как правило, «домоседы» при поиске места трудоустройства ориентируются на его близость к месту проживания. Они не являются участниками движений в обществе, не реализуют деятельность в сфере самоуправления домом. Доход «домоседов» – до 25 тысяч рублей в месяц.

Как считают исследователи, при повышении уровня доходов (а значит, и качества жизни) «домоседы» могут перейти в другую категорию горожан.

4. Городские потребители.

3,8% горожан по результатам проведенного опроса были отнесены к четвертой группе. Это так называемые «потребители города» – активные, целеустремленные его жители, желающие получить от города все и прямо сейчас. Как правило, это бизнесмены, студенты и иные инициативные личности.

Участие «потребителей города» в местном самоуправлении минимальное. Но к социальному капиталу они не относятся равнодушно: по статистике, 25% «потребителей города» являются участниками общественных движений. Что касается различных акций, то в них участвует 70-75% горожан, отнесенных к четвертой группе. При этом удовлетворенность текущим трудоустройством выражает лишь 40% «потребителей города».

По мнению 42% горожан, вошедших в четвертую группу городских жителей, в месте их проживания достаточно просто организовать бизнес. По мнению исследователей, «городские потребители» – монолитная в ценностном плане группа, представители которой ставят во главу угла собственные интересы и желания. Для них город – площадка для реализации собственных амбиций и устремлений. Если город по каким-либо причинам перестанет предоставлять им возможности для развития, они готовы переместиться на другое место проживания.

С учетом выделенных групп горожан, можно повысить качество городской среды за счет четырех факторов, указывают авторы исследования.

Первый – развитие институтов гражданского общества. Жителей города нужно вовлекать в управление городской средой. Это особенно важно для горожан третьей группы: в этом случае они смогут самоопределиться в городе.

Второе направление действий – повышение качества культурной инфраструктуры города. Это увеличит удовлетворенность им у жителей первой группы.

Третий сюжет – развитие транспорта и повышение качества и доступности жилья, для соответствия потребностям горожан второй группы.

И, наконец, для поддержки представителей четвертой группы необходимо еще одно направление действий: расширение возможностей реализации предпринимательских и социально значимых проектов.

Аналитическая часть

Сегодня в российском обществе активно обсуждается тема креативных пространств. В этих объединениях организованы

собственные уникальные сообщества, которые наделены политической, экономической, культурной жизнью [29, с. 29].

Связь с традиционным городским пространством, на которое оказывают непосредственное влияние креативные аналоги, обеспечивается посредством виртуальных сетей [22, с. 46]. Реальные города и креативные пространства формируют базис для возникновения и развития инновационных вариантов социальных отношений [18, с. 16]. Формирующиеся отношения становятся предметом социально-философского исследования, позволяющего установить закономерности их существования.

Современное городское пространство можно представить в виде подвижного, преобразующегося, с множеством векторов социального измерения и теми процессами, которые для него характерны [30, с. 38].

Разработкой определения термина «креативные пространства» занималось огромное количество специалистов. В этом плане интересна дефиниция, предоставленная Британским департаментом культуры, медиа и спорта. Ведомство предложило считать креативными городскими пространствами (creative places) объекты, на которых ведется продуктивная деятельность, в основе которой имеется ключевое свойство: индивидуальное творческое начало, умение, либо способность индивида [4; 5].

С помощью умения данной личности возникают рабочие места, извлекается добавленная стоимость, используется интеллектуальная база.

В более широком контексте под креативным пространством понимают социальное объединение, которое может воздействовать на систему ценностей индивида [17, с. 87]. Изучение специфики возникновения определенных ценностных ориентаций в системе представлений индивида, который относится к креативному городскому поселению, невозможно без установления социальных предпосылок для таких изменений.

Все эти предпосылки принято классифицировать по четырем основным группам:

1. Культура личности. Это фактор является определяющим в процессе формирования ценностных ориентиров. На основе его возникают поведенческие модели в обществе и при общении с другими индивидами. Более того, культурный опыт позволяет наметить цели в области личностного роста, расширения кругозора и приобретения практических навыков. С его помощью индивид достигает нового уровня жизнедеятельности, в основе которой лежат принципы упорядоченности, осмысленности, логичности.

Человек с первых дней жизни, сам того не осознавая, окунается в мир культуры. Здесь содержится весь накопленный за тысячелетия существования человеческой цивилизации опыт, на основе которого индивид получает необходимые жизненные навыки, способы достижения целей и удовлетворения потребностей.

Сознание индивида формируется и проходит различные стадии развития исключительно в рамках «культурной вселенной», где содержится важнейшая информация о коммуникативных методах, эмпирическом познании, видах деятельности и т. д. [28, с. 112].

Примечательно, что личность не может автоматически впитать необходимый пласт культурного опыта, поскольку овладение им становится возможным только после этапа осмысления.

По мнению М.М. Бахтина, каждая ценность, значимая для социума, приобретает настоящую значимость только в рамках отдельного индивида [12, с. 768].

2. Моральные установки. С момента своего возникновения в человеческой цивилизации стали формироваться моральные нормы, которые достигли апогея развития в современном обществе.

Каждый индивид, являясь полноценным членом общества, обязан руководствоваться в процессе жизнедеятельности моральными принципами. На их основе производится выбор конкретных

поведенческих моделей и усвоение требований социальной дисциплины.

На основе моральных принципов создаются законы морального поведения индивида в обществе. Поступки, совершенные в рамках морали, формируют моральный образ жизни индивида [21, с. 35].

3. Личный опыт. Личностные ценности невозможно сформировать без наличия индивидуального опыта. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования. К примеру, научно доказано, что система ценностных ориентаций в детском и подростковом возрасте крайне изменчива [16, с. 32]. Она приобретает устойчивость по мере взросления индивида, который в процессе своей жизнедеятельности обогащает личный опыт, т.е. вырабатывает собственное отношение к предметам и явлениям окружающего мира.

Еще раз подчеркнем, что без наличия личностного опыта невозможно создание индивидуальных ценностных ориентаций, так как они формируются исключительно исходя из него.

4. Особенности микроклимата социальной ячейки (т. е. семьи). К списку определяющих факторов в вопросе создания ценностных ориентаций относится деятельность родителей по воспитанию, обучению и привитию своему чаду правильного мировоззрения [23, с. 98].

В первые годы жизни самые близкие для индивида люди способствуют выработке его жизненных ориентиров.

Отдельно в этом контексте стоит заострить внимание на атмосфере, которая характерна для семьи. Дети во многом копируют поведенческие модели родителей, их мировоззрение и на основе этого создают свой комплекс ценностей [14, с. 14].

В итоге, формирование ценностных ориентиров индивида осуществляется на базе перечисленных четырех предпосылок (факторов). Среди них: культурный и личный опыт, моральные установки, микроклимат в семье.

Рано или поздно каждый человек встает перед выбором, какой системы ценностей ему придерживаться.

В рамках выбранной темы исследования (креативного городского пространства) определяющее влияние на выработку ценностей оказывает только два фактора – культурный и личностный опыт, в то время как остальные имеют вторичное значение.

Важность упомянутых факторов обусловлена их вхождением в креативное пространство. Для лучшего осмысления выбранной темы исследования изначально стоит затронуть сущность двух оппозитных по природе векторов развития городского общества.

Речь идет, прежде всего, о глобализации и локализации. Как следствие, на основе этих процессов возникают два абсолютно разных вида личности: глобальный и локальный [19].

Вторая категория личности, т. е. локальные горожане, не подходят для нашего исследования, поскольку не обладают свойствами мобильности и оперативной восприимчивости изменений городского пространства. Они предпочитают пользоваться городскими ресурсами в пределах обособленной локации. Малая по площади и населению городская локация практически не испытывает на себе воздействия мировых тенденций в сфере развития креативного пространства.

Для нас более важной является глобальная группа, которая сформирована на основе десятков локаций (районов), среди которых легко найти креативные пространства.

Глобальная личность, проживающая в крупных городах или мегаполисах планеты, характеризуется большей степенью взаимодействия с окружающим миром, в том числе и с креативными локусами. Она мобильна и восприимчива к новым трендам.

Вопросом определения тенденций воздействия креативного пространства города на индивида занимался отечественный специалист А.С. Ахиезер.

Он установил следующие закономерности:

1. Креативное пространство крайне подвижно, т. е. оно оперативно впитывает, перерабатывает любые изменения, возникающие в рамках общественных отношений [9, с. 5; 10, с. 23]. В пределах этого пространства индивид вынужден подстраиваться под быстро меняющуюся реальность, т. е. преобразовывать старую информацию в соответствии с недавно возникшими трендами. Только в этом случае можно говорить о личностном удовлетворении потребностей.

Как следствие, специфической особенностью креативного городского пространства становится динамизм общественных отношений. После изменения их специфики и адаптации личности у нее преобразуются ценностные ориентиры, что является вполне естественным процессом.

2. Взаимная направленность изменений креативной городской среды и личности. Дело в том, что изменяющийся характер социальных отношений не оказывает одностороннего воздействия на индивида. После изменения системы личностных ценностей он опосредованно начинает воздействовать на окружающую среду, тем самым изменяя ее. В ряде случаев личность соединяет воедино противоположные по сути элементы социальных отношений и жизнедеятельности. В этом проявляется социокультурный синтез, т. е. соединение воедино разнородных явлений [8, с. 16].

3. Креативное пространство может легко выходит за привычные рамки. Кроме того, среда не является закрытой, поскольку к ней присоединяются новые люди и даже целые социальные подгруппы, обладающие креативным потенциалом. Главным условием вхождения в среду является соответствие ее требованиям. Одновременно с присоединением новых индивидов среда может расширять свои территориальные границы за счет присоединяя тех локаций, на которых проживают вступившие в нее люди [2, с. 47].

По нашему мнению, отсутствие границ и мобильность – отличительные свойства креативного городского пространства. Ему подвластно изменять сложившиеся социальные отношения на новых

территориях, прививать собственные моральные и культурные нормы, формировать передовые ценности и внедрять более продуктивные формы жизнедеятельности общества.

4. Креативная городская среда выступает в роли благодатной «почвы» для формирования и совершенствования личностного потенциала. В первую очередь это проявляется в изменении формы мышления, в частности, личность отходит от привычного асоциального способа осмысления действительности и учится воспринимать предметы (явления) окружающего мира категориально. Данная особенность также присуща креативному мышлению [3]. С помощью креативной среды личность овладевает более прогрессивной разновидностью мышления, что предоставляет возможность трансформировать социальное поведение в зависимости от меняющихся обстоятельств. Более того, креативная среда увеличивает шансы успешно реализовать потенциал личности, расширить границы привычного уклада жизни, решить проблемы, характерные для ограниченной социальной группы.

5. В креативном городском пространстве регулярно возникают инновационные идеи, преобразовывающие ценностные ориентации индивида [27, с. 26]. Инновации, кардинально изменяющие социальные отношения, являются следствием информационно-технологической революции. В качестве примера нововведений, навсегда изменивших привычный уклад вещей, можно упомянуть мобильную связь, появление «всемирной паутины» (сети Интернет), социальных сетей, виртуальных магазинов и др.

В результате развития информационно-технической сферы ценностные ориентации личности претерпевают определенные изменения [24, с. 47].

По мнению Т.А. Бондаренко, интенсивное внедрение виртуальных технологий преобразует личность, наделяя ее новыми социальными характеристиками и поведенческими моделями [13, с. 52]. Специфической чертой инноваций в рамках креативного

городского пространства стала их локализация, что предопределяется скачкообразным вектором появления большинства инноваций или развития определенной отрасли знаний. При скачкообразном векторе появления инноваций личность регулярно обогащает и систематизирует свой опыт, что позволяет ей в полной мере раскрыть собственный креативный потенциал.

6. Высокий уровень конкуренции с другими индивидами. Для того чтобы занять в социуме определенную нишу и удерживать ее, личность обязана непрерывно обогащать свой опыт (знаний) и совершенствовать креативный потенциал. Только в этом случае его деятельность будет максимально продуктивной и полезной, а сама личность сможет приобрести социальную гибкость и возможность направлять имеющийся в арсенале потенциал в нужное русло.

7. Окружающая действительность и условия существования в городском креативном пространстве постоянно усложняются. Как следствие, личность в такой обстановке приобретает уникальное свойство приспосабливаться к постоянно усложняющейся обстановке, становится более адаптированной к социальным вызовам. Это было бы невозможно без совершенствования различных аспектов жизнедеятельности и изменения спектра личностных ценностей.

Главной особенностью в динамике креативного пространства города является способность рассматривать человеческую ценность через призму его социальной значимости. Благодаря творческому потенциалу и ценностным характеристикам личности возникли обитаемые населенные пункты.

Тенденции развития городской среды изучали многочисленные международные объединения, в частности ООН [7]. В докладе этой организации, датированном 2014 годом, были затронуты темы дальнейшего существования городской среды и специфика влияние социальных изменений на ценностные ориентиры личности.

По мнению специалистов ООН, воздействие факторов на личность можно классифицировать по двум подгруппам: тенденции глобализации и национализации [7].

Первая группа тенденций применима для текущей стадии создания городских систем, а вторая группа – для некоторых государств, в том числе для Российской Федерации. После детального анализа приведенных в документе положений и тенденций, не представляется возможным определить единый вектор социального развития, который был бы характерен для городов СКФО и ЮФО. В этой связи наблюдается обратная ситуация, когда несколько векторов оказывают влияние на формирование социальных отношений и системы личностных ценностей, применимых в отношении «глобального человека».

Для СКФО и ЮФО в последнее время свойственны следующие тенденции в вопросе формирования и развития креативного городского пространства:

1. Первоочередное значение в рамках креативной среды отдается капиталу, который добывается в конкретном противостоянии с другими индивидами. Личность постоянно борется за капитал, вследствие чего претерпевают изменения и ее ценностные ориентиры. В частности, культивируются такие свойства, как враждебность, грубость, прагматизм, агрессия. Более того, возникает внутренний страх за потерю капитала, что приводит к негативным тенденциям в личностных взаимоотношениях. Вместе с тем, конкуренция стимулирует личность задействовать весь свой потенциал в достижении намеченных целей, т. е. в вопросе приобретения капитала. Достижение цели связывается с получением социального уважения и значимости [20].

2. Все поселения обладают различным уровнем привлекательности для капиталовложений. В итоге, те городские пространства, которые характеризуются меньшей степенью привлекательности, задействуют все имеющиеся в его распоряжении ресурсы, компенсирующие

недостаток привлекательности. В контексте этого вопроса следует отметить культурную, духовную и социальную составляющую той среды обитания, где осуществляет свою деятельность личность. На основе этой базы формируется система ценностей индивида, которая в процессе его эволюции видоизменяет среду обитания, т. е. делает ее более пригодной и привлекательной для жизнедеятельности. Именно личность выступает двигателем прогресса и с течением времени во многом формирует привлекательность креативного городского пространства [32, с. 54].

3. Процессы, обуславливающие динамизм социальной среды в поселении, приводят к мобильности населения. Это проявляется в переходе человека из одного креативного пространства в другое, либо вступления в это пространство. Переход и вступление может осуществлять не только индивид (индивиды), но и различные организации, бизнесы и т. д. Нередко это приводит к негативным последствиям, в частности к перенаселенности или наоборот нехватке интеллектуальных и рабочих ресурсов. В рамках изучения личностных ценностей мобильность имеет особое значение, поскольку движение индивида способствует приобретению нового опыта, на основе которого возникают новые личностные образования [26, с. 95].

4. Условия развития социальной среды крупных населенных пунктов требуют от личности креатива, творческого потенциала, определенных знаний и навыков. В свою очередь личность требует от креативного пространства городов возможности полностью реализовать свой потенциал [15].

5. Группы индивидов, проживающие в крупных населенных пунктах, обладают своей сложной организацией и отсутствием общности. Несмотря на то, что индивид постоянно находится в рамках креативного городского пространства в группе (в основном, осуществляет в ней профессиональную деятельность), однако в целом жизни его присущ индивидуализм [6, с. 2].

Как следствие, личность в социальной среде формирует свои ценностные ориентиры при высокой доле самостоятельности, хотя нередко на процесс возникновения влияют те социальные группы, с которыми контактирует индивид. В рамках крупного населенного пункта имеется множество мелких креативных пространств, которые разделяют население по различным параметрам. В перечень этих параметров входят: поведенческие модели, моральные нормы, образ жизнедеятельности. Безусловно, все перечисленные параметры влияют на ценностные образования. Благодаря креативным пространствам городов могут формироваться ценности как актуальные, так и неактуальные в рамках этой среды.

По нашему мнению, отдельно стоит затронуть воздействие креативного пространства на индивида. В большинстве случаев креативная сфера создается на базе положительных реакций, вызванных запросами общества. Вместе с тем, в пределах креативной сферы может формироваться запрос на возникновение ценностей, которые носили бы противоположный общепринятым нормам характер. В таком случае следует говорить о создании контркультуры со всеми вытекающими последствиями (формировании ценностных ориентаций, сущность которых противоположна общепринятой категории).

б. Желание упорядочить действительность и окружающую среду. Оно проявляется в возведении комфортной инфраструктуры, позволяющей максимально повысить удобство жизнедеятельности индивида на ограниченном пространстве. В последнее время добиться этого можно за счет новых методов, социальных практик, культурного опыта, возникающего на базе инновационных технологий [1].

Интерактивность и разнообразие креативной среды предупредили возникновение особой ценностной шкалы индивида. Современные креативные пространства городов все чаще заполняются передовыми, динамичными, нередко оппозитивными формами жизнедеятельности, что является следствием глобализации. Тем не

менее, в креативной городской среде проповедуемые культурные ценности иногда предстают в негативной интерпретации, т. е. могут терять свою гуманность.

Современные тенденции показывают, что связь между поколениями, транслирующими примерно одинаковые или преемственные культурно-нравственные ценности, может быть безнадежно утеряна. В результате возникает «ценностная пропасть», когда каждое последующее поколение не понимает или отвергает предшествующую систему ценностей.

В большей степени подвержены воздействию креативной среды самые активные ее представители, обладающие подвижной системой ценностей. Речь идет, прежде всего, о молодежи, которая в рамках креативной среды пропускает через свой внутренний мир огромный объем информации. Далеко не всегда эта информация носит положительный характер, нередко пагубно воздействует на ценностные ориентиры. Негативные установки, которые сегодня присутствуют практически в каждой креативной среде, разрушают личность изнутри, лишая ее возможности конструктивно мыслить. Такие тренды зачастую приводят деструктивным явлениям в среде, дезориентации личности, отчуждению привычных ценностей и жизненного уклада [25, с. 695].

Если личность оказывается под влиянием негативных тенденций, для нее зачастую наступает экзистенциальный вакуум. Такое состояние все регулярнее наблюдается у молодежи исследуемых регионов. При разрушении привычных ценностей в социуме далеко не каждый индивид сможет распознать характер новых ориентиров, возникающих на месте потерявших свою актуальность [31, с. 198].

Экзистенциальный вакуум вытекает из отсутствия ценностей, придающих смысл большинству общественных категорий, например, самореализации, жизнедеятельности, нравственного становления. В креативной среде личность нередко сталкивается с возникновением

новых культурных смыслов. Утрата старых ценностей становится причиной побега от реальности.

В молодом возрасте, когда система ценностей неустойчива, многие личности испытывают растерянность. Нередко молодому поколению навязываются негативные ценностные ориентиры, среди которых инфантилизм, эгоизм, прагматизм. Основной целью навязывания таких поведенческих моделей становится достижение материального благополучия и повышение самооценки личности (обычно необоснованно). Успех в жизнедеятельности начинает определяться умением заработать деньги или повысить свой социальный статус. Интеллектуальная и нравственная составляющая отходит на второй план. Связано это с переходом социума на вид рыночных отношений, в которых заметную роль приобретает предприимчивость.

Общепринятые моральные нормы чуждости, долга, взаимопонимания заменяются бартером, желанием обогащения любыми способами, в том числе аморальными. Что касается семейных ценностей, то на первое место у «глобального горожанина» ставится независимость, карьера, положение в обществе. Семья же отодвигается в далекую перспективу, после создания успешной карьеры.

Под влиянием креативных пространств способны трансформироваться и коммуникативные ценности. Отношение к близким людям приобретает все более корыстный, коммерческий характер. Эгоистичный индивидуалистический настрой (сам за себя) ставится выше гуманных отношений, взаимопонимания, и взаимопомощи. Ориентация «глобального горожанина» направлена на индивидуальное искусство жизни, в котором не предполагается заботы о родине, родителях, детях. Распространенным является мнение, что креативные пространства, как продукты западной культуры по своей сути дегуманистичны.

На наш взгляд они способны формировать у личности базовые ценности неолиберализма: бездуховность, эгоизм, успех и наживу любой ценой, жестокость и агрессивность в отношениях между людьми и социальными общностями. Эта культура также разрушает национальное общественное сознание российского горожанина.

Очевидно, что эту культуру вытеснить из общекультурного поля России сегодня невозможно. Наиболее целесообразно – использовать ее достижения в конструктивном направлении, развивать национальную развлекательную индустрию с ее гуманной духовной направленностью, минимизировать ущерб национальных духовных ценностей со стороны американской экспансии.

По результатам проведенного анализа возможно заключить, что городское поселение исследуемых регионов сегодня имеет значительный культурнокреативный потенциал, способный оказывать влияние на формирование ценностей личности, в связи с широким спектром социально-культурнокреативных институтов и площадок (креативных пространств), расположенных в его теле.

Заключение

Креативные пространства города, как элементы креативно-информационной сферы оказывают значительное влияние на характер развития бытовых аспектов ценностных ориентаций личности. Ценностные ориентации личности всегда находятся под влиянием социальной среды, в которой находится индивид, и формируются социумом. При этом система ценностных ориентаций каждой отдельно взятой личности субъективна и индивидуальна.

Например, Л.В. Баева пишет: «Ценности – идеальный феномен, особенностью которого, в отличие от материальных объектов, является принадлежность к субъективному восприятию. Когда мы говорим, что какие-либо предметы или отношения обладают

ценностью для нас, это не означает, что они являются такой же ценностью для других индивидов» [11, с. 65].

Помимо этого, ценности личности не являются статичными (застывшими), трансформируются, они взаимодействуют друг с другом, находясь в постоянной динамике. Таким образом, индивид, находясь в процессе формирования ценностных ориентаций личности, преодолевает путь от частного к общему, и обратно. Личность, действуя в креативном пространстве городского поселения, преобразует существующие в социуме ценности, наделяя их персонифицированным смыслом.

Социальная среда (в данном исследовании – креативные пространства) по отношению к личности имеет относительно случайный характер. Она может как дозвездеть над ним, так и предоставлять необходимые свободные площадки (пространства) для развития «живой» мысли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Aldred D. Urbanization: a major driver of infrastructure spending. Industry Trends: Infrastructure // City Perspectives, 2012. URL: http://www.citigroup.com/citi/citiforcities/pdfs/Urbanization_A_Major_Driver_of_Infrastructure_Spending.pdf.
2. Dunarintu A. The Socio-Economic Impact of Urbanization // International Journal of Academic Research in Accounting, Finance and Management Sciences. Volume 2. Special Issue 1. 2012. Pp. 47-52.
3. Harris R. Introduction to Creative Thinking. URL: <http://www.virtualsalt.com/crebook1.htm>.
4. Population Division World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Methodology Working Paper No. ESA/P/WP.237 // United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2014. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/Methodology/WUP2014-Methodology.pdf>.

5. UK Creative Industries Taskforce // Creative Industries Mapping Document. November 1998. URL: http://www.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/42872_Flew.pdf.
6. Vlek C., Steg L. Human Behavior and Environmental Sustainability: Problems, Driving Forces, and Research Topics // Journal of Social Issues. 2007. Volume 63. № 1. Pp. 1-19.
7. World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Methodology; См.: Population Division World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Methodology Working Paper No. ESA/P/WP.237 // United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2014. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/Methodology/WUP2014-Methodology.pdf> (Дата обращения: 03.07.2015).
8. Ануфриева Е.В., Дулина Н.В., Ефимов Е.Г., Овчар Н.Е., Токарев В.В. Социокультурный портрет региона. Волгоград, 2013. 159 с.
9. Ахиезер А.С. Человек в экономике и других социальных средах. М., 2008. 195 с.
10. Ахиезер А.С., Сайко Э.В. Субъект во времени социального бытия. М., 2008. 600 с.
11. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань, 2004. С. 65.
12. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 5-и томах. Т.1. М., 2003. С. 768.
13. Бондаренко Т.А. Трансформация личности в условиях виртуальной реальности. Ростов н/Д., 2006. С. 51.
14. Вавилова И.Н. Механизмы ценности и ценностных ориентаций // Наука и бизнес: пути развития. 2012. № 12 (18). С. 14.
15. Высоковский А. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда // Высшая школа урбанистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Онлайн-трансляция Вебинара, 2015. URL: <http://mosurbanforum.ru/online/> (Дата обращения: 04.07.2015).

16. Дмитрова С.В. Действия и поступки современного человека (аксиологический аспект рассмотрения) // European Social Science Journal. 2014. № 1-2 (40). С. 30-37.
17. Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Роль креативной среды российского города в формировании ценностных ориентаций личности горожанина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 86-89.
18. Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Концепт пространства в определении сущности социально-философской категории «креативное пространство поселения» // В сборнике: Глобализация научных процессов. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 15-17.
19. Иванов П. Глобальный горожанин – удобный горожанин // Электронный журнал UrbanUrban.ru. URL: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/588/Globalnyy-gorozhanin-udobnyy-gorozhanin>.
20. Коряковцева М.А. Влияние конкуренции на мировоззренческие ориентации личности // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. URL.: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-konkurentsii-na-mirovozzrencheskie-orientatsii-lichnosti>.
21. Кучеренко А.В. Место и роль общезначимых моральных принципов И. Канта в современной социальной действительности: дисс. на соиск. уч. степ. д-ра филос. н. М., 2014. 179 с.
22. Лысенко Г.В. Социальные взаимодействия в пространстве современного города // Социология города. 2011. № 2. С. 45-50.
23. Мустафаева Д.Ш. Семья как источник общечеловеческих и национально-этнических ценностей в воспитании и развитии личности // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2. С. 96-98.
24. Овчаренко Г.В. Эволюция практических и теоретических аспектов управления социальными инновациями // Terra Economicus. 2012. № 1-2. Т. 10. С. 47-49.

25. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Проблема творчества и постмодернистский кризис культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 695-698.
26. Проскура О.В., Герасимчук И.Ю. Понятие мобильности. Виды мобильности. Академическая мобильность // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 13 (342). С. 94-98.
27. Репина Е.Я., Гаффорова Е.Б. К вопросу об определении понятия «инновация» // Инновации в образовании. 2014. № 2. С. 25-32.
28. Соколов Е.А., Буланкина Н.Е. Методология культурного самоопределения формирующейся личности специалиста-гуманитария. Опыт философского осмысления. М., 2011. 176 с.
29. Суховская Д.Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Краснодарский университет Министерства внутренних дел РФ. Краснодар, 2015. 198 с.
30. Суховская Д.Н. Креативное пространство мегаполиса как новая форма социальности // Управление мегаполисом. 2013. № 6 (36). С. 37-40.
31. Челомбицкая М.П. Ценностные ориентиры современного общества // Молодой ученый. 2011. № 12. Т.1. С. 198-201.
32. Чернов А.В. Среда обитания человека как социокультурный феномен: дисс. на соиск. уч. степ. к. филос. н. Екатеринбург, 2009. 176 с.

Глава 2.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ АСПЕКТ

Л.Ф. Черникова

Е.А. Ягунова

А.Н. Доморников

Введение

Человек – это многогранный, сложный и в то же время, интересный субъект для исследований. Общество, в котором он обитает – это некая данность, не избираемая личностью, а созданная самим человеком и управляемая им в жизни. Труд – самое ценное, приносящее удовлетворение от любимого занятия. Проблема социальной реальности актуальна и сегодня, ее рассматривают и изучают и философы, и социологи, и психологи, и культурологи, и другие специалисты различных областей науки, культуры, общества.

Культурная модернизация личности – это главная цель общества и человека. В настоящее время серьезной проблемой может стать и «модернизация» историко-культурного наследия. Культура – это все то, что создавалось (и создается) человеком в духовном и материальном пространстве. Человек формирует культурное пространство, речевой потенциал, видит потребности и проблемы в обществе.

Целью выступает рассмотрение и анализирование роли личности в коммуникационном пространстве и его культурно-речевой аспект. Выделить проблемы межличностных отношений и особенности речевой культуры человека. Наметить пути решения языковых проблем в современном российском обществе. Межкультурная коммуникация, как термин существует с середины XX века, поэтому данное направление еще находится в стадии

формирования и становления, требующее глубокого исследования в системе коммуникативного взаимодействия.

Основная часть

Понятно, что каждое поколение представляет свои культурные ценности, на которых оно выросло, развивалось и, которое имеет представления о культурном развитии общества. Для примера можем сравнить два поколения: старшее поколение беби-бумеров и современное поколение Z. Поколение беби-бумеров (от беби-бум, т.е. увеличение рождаемости во многих странах мира) (1943-1963), это люди, события которых оказали существенное влияние на формирование материальных, духовных, культурных ценностей. Они глубоко ценят и дорожат тем, что имеют. Радость победы в Великой Отечественной войне, советская «оттепель», покорение космоса, поднятие целинных земель, единые стандарты обучения в школах, где наша советская система образования была наилучшей в мире, гарантированность медицинского обслуживания и т.д. Да, по-другому и быть не могло! Ведь СССР – мировая супердержава. Ярко проявляется оптимизм народа, заинтересованность в личном росте, коллективизм, командный дух, культ молодости. Поколение Z – это современное поколение людей, родившихся в середине 90-х годов, раскрывает себя в полной мере. Это «цифровое поколение», дети, которые растут в мире высоких технологий. Возможно, современное поколение превосходит предыдущее поколение, поскольку быстрее обучается, лучше взаимодействуют с новейшими технологиями, осваивая новые навыки. Среди них талантливые программисты, специалисты, работающие со сложным техническим оборудованием, общающиеся в социальных сетях, игнорируя «живое» общение, иногда не различающие грань между виртуальной и реальной жизнью, словом, личности, имеющие свои социально-культурные приоритеты. Данное поколение, в какой-то степени, можно считать

эгоцентристами. Все их культурные ценности – это Интернет, общение в социальных сетях.

Человек должен общаться «вживую», а это общение в рабочей обстановке с коллегами, это и личные общения с родственниками, друзьями, сослуживцами. Каждому необходимо проявлять интерес к наукам, интересоваться культурными достижениями в нашей стране и за рубежом и, наконец, найди любимое занятие, которому посвятил бы все свою жизнь. Без общения, как без воздуха, человек не может существовать.

Наше время – время активных, предприимчивых, деловых людей. Выражение различных точек зрения, мнений, оценок, убеждений требует развития коммуникативных возможностей, т.е. общения и знаний норм современного русского литературного языка, основ ораторского искусства. Без общения, речевой культуры невозможно формирование личности человека, развитие его интеллекта.

Общение – сложный процесс взаимодействия людей и явление далеко не однозначное, поскольку личность обладает индивидуальными чертами и качествами – интеллектуальными, нравственными, эмоциональными, волевыми, которые могут формироваться под воздействием общества в целом, в процессе трудовой, семейной, культурной и общественной жизнедеятельности. На особенность и характер общения могут повлиять темперамент, этика, культура речи, этикет собеседников (участников).

Отношения между людьми или межличностные отношения – это поступки и ответная реакция на них. Существует научный подход к данной проблеме, помогающий успешно общаться. Общение обладает психологической структурой, включающей в себя ряд компонентов, среди которых выделяется – мотивационно-целевой компонент, который представляет систему мотивов и целей общения. Мотивами могут быть потребности и интересы одного или нескольких собеседников, но цели участников общения могут совпадать или

противоречить, исключать друг друга. От этого зависит характер общения, а, следовательно, успех в делах.

Общение – это целая наука, а общение с людьми – искусство. Человек-существо социальное, он не может жить вне общества, он привык взаимодействовать с людьми разного возраста, социального статуса, положения. Необходимо учиться искусству общения. В общении решаются вопросы карьерного роста, текущие проблемы, личные контакты и др. Нужно научиться общительности, т.е. способности человека вступать во взаимодействие с другими членами социума, научиться устанавливать и развивать отношения в коллективе, преодолевать барьеры при налаживании контакта с другими людьми и, ни в коем случае, не замыкаться в себе, если возникла сложная психологическая обстановка в коллективе, обходя напряженность отношений и дискомфорт. В данном случае целесообразным будет обращение к специалисту-психологу. Необходимо учиться общению, находить способы улучшения коммуникационных способностей в трудовом коллективе и личных отношениях. Следует искать пути решения в конфликтных ситуациях. Конфликты в коллективах возникают из-за того, что люди по-разному смотрят на жизнь, по-разному относятся к работе. Поэтому очень важно поддерживать в коллективе атмосферу взаимопонимания, поддержки, доброжелательности, доверительных отношений [1, с. 42].

Важнейшим средством коммуникации является слово.

В.А. Сухомлинский писал: «Словом можно убить – и оживить, ранить – и излечить, посеять смятение и безнадежность – и одухотворить». Талантливый педагог проанализировал все типы педагогически значимого общения, а для прекрасного овладения родной речью, – писал Василий Александрович, – необходимо научиться пяти вещам: наблюдать, думать, писать, читать, передавать мысль словом [2, с. 49].

Яркое и страстное слово во все времена, как свидетельствует история развития человеческого общества, оказывало большое

внимание на людей, их взгляды и убеждения, дела и поступки. Человек, произносящий речь, привлекает внимание окружающих. Выступая, он отстаивает свою точку зрения, доказывает правильность выдвинутых положений. Особое значение в жизнедеятельности человека имеет культура речи и речевой этикет. Уровень культуры речи зависит от уровня общей культуры, т.е. социально-коммуникативных норм поведения. Овладение нормами литературного языка – одно из важнейших условий совершенствования речевой культуры. Важнейшее условие формирования культуры речи, речевого этикета – это обогащение словарного запаса человека.

Речевой этикет – правила речевого поведения и система стереотипизированных формул общения, которые регулируют взаимоотношения людей. К речевому этикету относятся не только слова и выражения, которые используются для прощания, просьбы, извинения, но и принятые в различных ситуациях формы обращения, способы выражения сочувствия, жалобы, вины, горя и интонационные особенности, характеризующие вежливую речь и др. При этом значимой особенностью именно речевого этикета, в отличие от других его форм (например, делового и спортивного этикета), становится то, что, с одной стороны, он воплощается в повседневных речевых практиках, а с другой стороны, характеризует собеседника, как носителя норм не только этических, но и языковых: речевым этикетом пользуется любой человек обязательно и ежедневно.

Речевой этикет связан со сформулированным Дж. Линчем (ирландский художник и иллюстратор детских книг) важным принципом коммуникации – принципом вежливости.

Тактики и стратегии, формулы и закономерности речевого этикета усваиваются в процессе воспитания, часто с раннего детства, настолько глубоко, что обычно воспринимаются, как часть естественного и закономерного поведения людей. Именно поэтому

применение речевого этикета нередко бывает доведенным до автоматизма.

Основная функция любого этикета – формирование и использование таких правил поведения, которые способствуют взаимопониманию людей в процессе коммуникации. Одновременно речевой этикет можно рассматривать и как своеобразное отражение социокультурной ситуации и принятых в данном обществе норм и правил поведения. Так, обязательные для XIX века специфические обороты типа «Ваша светлость», «соблаговолите явиться», «за сим остаюсь», «премного благодарен» в XXI веке выглядят архаичными. Аналогично находятся за пределами русского литературного языка распространённые в молодежной среде слова-варваризмы, нарушающие чистоту речи слова из чужого языка или построенные по образцу чужого языка обороты.

Формулы речевого этикета воспринимаются образованными и воспитанными людьми как закономерное, повседневное проявление норм поведения в обществе. Незнание норм речевого этикета и, как следствие, их невыполнение воспринимается как намеренное оскорбление или невоспитанность. Одновременно и языковая норма, регулирующая правильность речи, также определяет систему представлений о норме в области речевого этикета.

Итак, нормы речевого этикета – это неотъемлемая часть повседневной языковой практики. Соблюдение этих норм предполагает определенный уровень культуры личности. Речевой этикет, являясь достаточно четкой, исторически сложившейся структурой, предоставляет говорящему возможность, выбирая те или иные этикетные формулы, варьировать тональность коммуникативной ситуации.

Естественно, что выбор единиц речевого этикета зависит от социального статуса и социальных ролей участников коммуникации. Речевой этикет, как система стереотипных, устойчивых формул всегда соотносится с ситуацией речевого общения, которая определяется

личностями собеседников, темой и целью общения. Спектр коммуникативных функций речевого этикета очень широкий:

- 1) установление контакта между собеседниками (фактическая функция);
- 2) привлечение внимания слушателя, выделение его среди других потенциальных собеседников (апеллятивная функция);
- 3) выражение уважения (этическая функция);
- 4) определение статуса коммуникации (регулятивная функция);
- 5) формирование благоприятной эмоциональной обстановки и оказания положительного воздействия на слушателя (эмоционально-экспрессивная функция).

Любые социальные характеристики собеседников (гендер, возраст, образование, воспитание, культурная грамотность и др.) влияют на формы коммуникации, на стиль и достижение эффективности общения. Например, тендерные различия особенно явно проявляются в ситуациях представления собеседников друг другу или в разговоре родителей с ребенком. Некоторые этикетные тактики и стратегии присущи только данной культуре и языку, однако существуют и этикетные формулы поведения, которые приняты повсеместно и имеют универсальный характер. Например, в общеевропейском речевом этикете при необходимости представить друг другу незнакомых людей сначала представляют женщине мужчину, а не наоборот.

Этикет базируется на категории вежливости и связан с формальной вежливостью, суть которой заключается в стремлении удерживать дистанцию между участниками коммуникации.

Являясь основой всякого коммуникативного поведения, вежливость имеет две разновидности: положительную и отрицательную.

Отрицательная (негативная) вежливость направлена на минимизацию невежливости в высказывании и на уклонение от коммуникативного конфликта. Ее функция – уменьшение и

нейтрализация агрессии в общении, сохранение свободы в поступках, соблюдение должной дистанции между коммуникантами. Для этого в любой языковой культуре веками разрабатывается целый арсенал вербальных и невербальных стратегий поведения (косвенное выражение просьб, использование эвфемизмов при назывании того, что может быть оскорбительным для собеседника, уход от наименования и обсуждения неприятных тем и др.)

Положительная вежливость связана с максимальным выражением уважения и почтения к адресату и реализует тактику достижения коммуникативного согласия [6].

Если исходить из представлений о том, что этикетными формулами говорящий моделирует определенную рамку речевого события, которая определяется коммуникативным намерением, то такие виды контактоустанавливающих речевых жанров, как приветствие, извинение, прощание и некоторые другие, становятся особенно важными как в повседневной, так и в деловой коммуникации. Особую роль в создании коммуникативной рамки играют обращения. Обращение к адресату зачастую предопределяет ход всей коммуникации, а иногда становится решающим в разнообразных ситуациях делового общения.

Этикетные нормы неотделимы от норм этики и культуры речи. Особого внимания при этом заслуживают особенности употребления синонимичных этикетных единиц, каждая из которых предназначена не только для установления контакта между собеседниками, но и для поддержания общения в необходимой коммуникативной тональности. Например, синонимичные формы «извините» и «простите», несмотря на кажущееся сходство, применяются в различных случаях: их употребление зависит от серьезности совершенного поступка. Этикетная формула «извините» применяется как форма извинения за незначительный проступок, неловкое поведение или причиненные хлопоты (например, случайный толчок в переполненном автобусе). «Простите» используется в случаях, когда речь идет о существенном

проступке (например, грубость, оскорбления, публичное высмеивание человека и его действий). Кроме того, следует отметить, что у этикетной формулы «извините» есть дополнительная функция выражения недостаточного согласия и даже протеста, которая возникает, например, при отказе говорящего выполнить какую-нибудь просьбу («извините» в значении «ни в коем случае, вовсе нет, ни за что»).

Этикет – это пластичная, адаптирующаяся и постоянно развивающаяся система. В современной (особенно городской) культуре роль речевого этикета переосмысливается. Вместо важной и исключительной для прошлых эпох функции регулирования социальной иерархии, в современном речевом этикете на первый план выходит сугубо прагматическая функция. Этикет рассматривается как средство достижения коммуникативной цели: привлечь внимание собеседника, продемонстрировать ему свое уважение, вызвать симпатию, создать доброжелательную атмосферу, достичь коммуникативного согласия [3, с. 62].

Особенно серьёзно трансформируются способы и формы обращений, которые традиционно рассматриваются как наиболее значимые показатели этикетных норм и степени освоенности речевого этикета. Этические нормы касаются, в первую очередь, обращения на «ты» и «вы», выбора полного или сокращенного имени (Эдик или Эдуард Геннадьевич), употребление обращений типа «господин», «гражданин», «товарищ» и др.

К сожалению, современный речевой этикет, в отличие от весьма жёстко структурированного дореволюционного, не имеет полноценной и удобной для любой ситуации формы обращения к незнакомому человеку. В XIX в. к чужому можно было обратиться, используя указание на его принадлежность к тому или иному социальному классу (например, относительно взрослой замужней женщины использовались практически не пересекающиеся в употреблении номинации «госпожа», «мадам», «барыня», каждая из

которых характеризовала даже не столько саму женщину, к которой обращались, сколько говорящего, прежде всего – его социальный статус). Формы обращения в дореволюционной России отшлифовывались в течение десятилетий. Их нарушение рассматривалось как вызов сложившейся системе общественных отношений [9].

Однако после революции 1917 г. система обращений кардинальным образом изменилась. Новое общество пыталось отказаться от речевого этикета и, соответственно, культуры предыдущей эпохи. К любому человеку на улице, независимо от его пола и возраста, можно было обратиться как к «товарищу» или «гражданину» (влияние речевого этикета времён французской революции конца XVIII в.). Позже, отчасти из-за возросшей идеологизации этих слов, в городском просторечии стали употребляться невозможные в XIX в. по отношению к незнакомым людям обращения «девушка», «молодой человек», «мужчина» и «женщина». Таким образом, вместо аристократического «господин» и просторечного "мужик" стало использоваться обращение "мужчина", а обращение «госпожа» и «барышня» в связи с устранением классовой стратификации были вытеснены «женщиной» и «девушкой». Однако до сих пор обращения «мужчина» и «женщина» воспринимаются как грубо-просторечные и недопустимы в речи интеллигентных, образованных людей.

В современном речевом этикете время от времени возникают попытки возврата к этикету XIX в., который известен каждому грамотному человеку, прежде всего, по классическим литературным произведениям. Реабилитация употребления в сегодняшней России архаичных обращений типа «барышня» или «сударь».

На сегодняшний день имеется проблема относительно обращения к личности. Если к интеллигенции мы можем обратиться «господин Сидоров» – «госпожа Иванова», «господин управляющий», то, как быть с «господином слесарем» или «госпожой поваром?» Нам

часто задают вопрос: «А есть ли в русской речи универсальное обращение, как когда-то было слово «товарищ»? Ведь такое обращение свойственно к любой личности, не зависимо от статуса и положения!». Однако, рекомендуемы такие формы обращений в русской речи, как официальные – гражданин, товарищ капитан, молодой человек, девушка; нейтральные – уважаемый, коллеги, водитель, официант; но имеются еще и неофициальные – тетя Оля, дядя Миша, зайчик, солнышко, мамуля и др. Следует помнить, что наилучшая форма обращения по имени и имени отчества человека [13, с. 72].

Этикет призван обслуживать живую, подвижную систему человеческих отношений, следовательно, если меняется общество, меняются и этикетные формы, и формулы. Невозможность возврата к этикету XIX века обусловлена рядом причин.

Во-первых, в дореволюционной России система социальных отношений была жёстко структурирована, в отличие от современной социокультурной ситуации.

Во-вторых, в сознании современника слова, подобные приведенным выше, рассматриваются как устаревшие и не актуальные, а значит, и ненужные.

В-третьих, память современника держит остатки советского отношения к дореволюционному этикету, воплощенного в таких клише, как: «Господа в Париже» или «Тоже мне... барышня нашлась».

Демократизация современного российского речевого этикета связана как с изменением социальных параметров общения (например, либерализация общения в прежде жёстко иерархических отношениях коммуникантов, появление интернет-общения, усиление игрового начала в коммуникации), так и с влиянием американской культуры и речевого этикета.

Из наиболее ярких проявлений заимствованной в русский речевой этикет специфической «неформальности» американского коммуникативного поведения можно назвать следующие:

- использование в качестве имени официального лица двухчастной, а не полной (трехчастной) модели («Владимир Путин» вместо «Владимир Владимирович Путин»);
- отказ от традиционной двучленной формы обращения в полуофициальной коммуникативной ситуации в пользу одночленной: «Валерий Анатольевич» - «Валерий» + "Вы"-формы;
- обращение к старшим по возрасту родственникам (деду, бабушки, дяде, тётё и все чаще – к отцу и матери) по имени, без использования соответствующих маркеров («Валера» вместо «дядя Валера»);
- обращение к родителям жены или мужа, а также друзьям родителей и соседей по имени, а не по имени и отчеству;
- вульгаризмы как немотивированные заимствования в области речевого этикета (многочисленные «Hi», «Вуе», «Вуе-буе», «Ок» и др.);
- появление разнообразных калькированных с американского речевого этикета формул: от повседневных формул прощания («Доброго дня», «Берегите себя», «Пока-пока») до реплик журналистов («Вернёмся через минуту», «Оставайтесь с нами» и др.);
- модификации паралингвистических (невербальных) средств коммуникации (например, публичные поцелуи между представительницами женского пола всех возрастов) [7, с. 19].

Весьма показательно, что даже в таких, на первый взгляд, традиционных контактоустанавливающих фразах, как приветствие «Как дела?», под влиянием американской культуры меняется смысл. Раньше традиционным ответом было «Не очень» или «Ничего (хорошего)», так как для традиционного русского мировоззрения не было характерно выпячивание собственных достижений: оно воспринималось как хвастовство. Однако в последние годы значительно расширилось употребление соответствующих реплик «Хорошо», «Ничего» (в смысле «нормально») и даже «отлично» (такой ответ на этот вопрос даже не зарегистрирован в «Толковом

словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакая), что можно считать влиянием весьма распространённой, особенно среди молодежи, американской идеи успеха [8, с. 61].

Указанные изменения, безусловно, вызваны влиянием западных стереотипов поведения. При этом механический перенос такого рода коммуникативных тактик и речевых формул на российскую почву происходит в определённой мере неорганично (например, через рекомендации учебников по бизнес-коммуникации, ролевые для молодежи модели поведения ровесников из западных фильмов и сериалов и др.), а для носителей традиционной, во многом сформировавшейся на образцах классической литературы XIX-XX вв. языковой картины мира – очень болезненно.

Самое важное в описанных выше трансформациях речевого этикета заключается в том, что они всё меньше и меньше осознаются современниками как несоответствующие традиционной русской коммуникации, как вторичные, как грубо-просторечные или немотивированно заимствованные. В этом, пожалуй, и заключается основная опасность происходящих в современном российском речевом этикете метаморфоз. Вот как об этом пишет известный лингвист М. А. Кронгауз: «По-видимому, старшее поколение рассматривает результат подобных изменений как простое и случайное нарушение (невоспитанность молодежи и т. д.), а младшее — напротив, как норму. Собственно же процесс изменений остается незамеченным. Кроме того, поскольку в лингвистике до сих пор не существует общепринятой кодификации речеповеденческих норм, устаревший вариант очень быстро вытесняется из сознания носителей языка. Тем не менее, изменения в речевом поведении и речевом этикете происходят, и притом весьма значительные» [5, с. 84].

Речевой этикет в настоящее время интенсивно меняется и под воздействием новых коммуникационных технологий, что влияет на смысловое наполнение старых и использования новых этикетных

формул. Так, на наших глазах формируются нормы интернет-общения и этикета мобильной телефонной коммуникации.

Специфика этикетных норм интернет-коммуникации определяется максимальной открытостью виртуального пространства, потенциальной многоадресной аудиторией, неполной персонифицированностью адресанта. Интернет трансформирует и как бы «размывает» личность автора, что приводит к относительной анонимности пользователей, общающихся в этой среде. В связи с этими новыми для общества факторами коммуникации возникает потребность выработать новые или уточнить уже существующие формы взаимоотношений собеседников.

Среди основных особенностей интернет-коммуникации, которые обуславливают особый характер речевого этикета в этой среде, можно выделить следующие.

1. Анонимность. Вследствие анонимности в сетевом общении часто появляются связанные со снижением психологического и социального риска раскрепощенность, ненормативность и некоторая безответственность собеседников. Человек в сети может проявлять и проявляет большую свободу высказываний и поступков (вплоть до оскорблений, нецензурных выражений, сексуальных домогательств), так как риск разоблачения и личной отрицательной оценки окружающими минимален.
2. Отсутствие классических типов невербальной информации (голос, жесты, мимика, почерк и др.). Впрочем, этот пробел заполняется разного рода графическими выразителями тех или иных эмоций, а также видео - и аудиоматериалами, которые в качестве вспомогательного компонента активно используются в интернет-коммуникации.
3. Добровольность и желательность контактов. Пользователь добровольно завязывает контакты или уходит от них, а также может прервать их в любой момент. Подобная «добровольность» часто может восприниматься собеседниками как дерзость, нежелание

общаться, отсутствие элементарных коммуникативных навыков и умений.

4. Затруднённость эмоционального компонента общения. Доминирующий письменный характер коммуникации провоцирует стремление к эмоциональному наполнению текста, которое выражается в создании специальных значков для обозначения эмоций или в описании эмоций словами (в скобках после основного текста послания).

5. Стремление к нетипичному, ненормативному поведению. Часто пользователи представляют себя с другой стороны, чем в реальной жизни, проигрывают не реализуемые в деятельности вне сети роли, сценарии ненормативного время поведения [7, с. 61].

Расширение круга людей, которые имеют выход в Интернет, а также увеличение функций и возможностей интернет-коммуникации обусловили возникновение специальных правил этикета в интернет – норм поведения и общения как для пользователей, так и для провайдеров, администраторов, модераторов форумов и т. д. Сначала правила электронного этикета, или «нетикет» (*netiquette*, от англ. *net* «сеть» + франц. *etiquette* «этикет»), складывались стихийно, что обусловило использование в качестве фундамента для него стандартных правил речевого этикета. На современном этапе развития Интернета во многих организациях и на большинстве интернет-ресурсов правила поведения пользователя в локальных сетях устанавливаются в форме инструкций или официальных правил.

Однако регламентация правил этикета продолжается, в том числе и с помощью разработки коммуникативно толерантных способов общения для конкретных интернет-проектов, форумов и т. д. Наборы этикетных формул в данном виде коммуникации также находятся в стадии формирования. Наряду с элементами традиционного этикета появляются и специфические для интернет-коммуникации формы, например так называемые смайлики. Следует отметить, что определенная часть формул этикета представляет собой

заимствования из английского языка (например, «имхо», «лол»), их русифицированные аналоги («расфрендиться») или кальки английских слов и выражений («С наилучшими пожеланиями», «Имярек хочет с вами дружить»).

Современный период развития русского речевого этикета характеризуется и трансформациями в сфере телефонного общения. Например, специфика мобильной телефонной коммуникации накладывает ограничения на некоторые этикетные жанры. Так, не принято благодарить по телефону человека с более высоким социальным статусом за оказанную любезность – лучше это делать лично. Поскольку мобильный телефон стал предметом личного потребления, с которым человек практически никогда не расстаётся, то правила хорошего тона предусматривают необходимость уточнить, есть ли у абонента возможность говорить. Другими словами, то, что для обычной телефонной связи было лишь пожеланием (фраза «Удобно ли вам говорить?»), для мобильной связи становится жёстким этикетным условием.

Стоит отметить, что XX век оказал влияние на историю и дальнейшее развитие русского языка. Если провести языковой дискурс, то можно отметить определенные тенденции в речевой практике общества. 20-е и 90-е годы – это период политизации языка, расшатывание языковых норм в речи говорящих, ярко выраженное оценочное отношение к словам, рост взаимного недопонимания между различными социальными группами и т.д. Основные изменения можно наблюдать после 1991 года, времени, оказавшее непосредственное влияние на состояние русского языка, устной и письменной речи и культуры в целом. Политические и экономические преобразования отразились и на языковых явлениях. Понятно, что язык не может не меняться, если изменяется общественный процесс. Язык не должен резко меняться, т. к. создается разрыв в культурной традиции общества. Речевая культура должна совершенствоваться, и главная роль здесь отводится самому человеку. Жаль, что в некоторых

источниках (справочниках, словарях) сохранились старые языковые нормы, касающиеся, прежде всего, работников радио и телевидения. Нужны новшества, нужны реформы. Изменения норм и правил русского языка – это процесс облегчения изучения и использования языка его носителями [7, с. 87].

Изменялась лексика русского языка. В ее состав вошли неологизмы. Они постоянно пополняют нашу речь. Активно развивается язык – возникают и неологизмы. Жизнь не стоит на месте: интенсивно развивается наука, техника, в общественной жизни появляются различные новые предметы, машины, орудия труда, а вместе с ней рождаются и неологизмы. Компьютеризация, заполнившая нашу жизнедеятельность, насыщает новыми заимствованными словами. Заимствования иностранных слов – это один из способов обогащения и развития современного русского языка. Знания иностранного языка является важным условием эффективности межкультурной коммуникации, в том числе и профессиональной. Социальный заказ на специалистов, которые не только умеют читать и переводить специальную литературу, но и успешно осуществляют межкультурные деловые коммуникации, постоянно растет.

Итак, несмотря на всевозможные трансформации, которые переживает русский язык начала XXI века (вульгаризация и американизация языка, стремление выработать новые средства выражения, новые формы общения, «интернетизация» языка и др.), современный русский речевой этикет продолжает развиваться и обслуживать разнообразные отношения, существующие между членами общества [7, с. 88].

Соблюдение правил и норм речевого общения обеспечивает успешность коммуникации, порождает доверие и уважение среди собеседников. Знание правил речевого этикета даёт человеку возможность чувствовать себя уверенно и непринужденно, не испытывать неловкости и затруднений.

Современная речь отражает неустойчивое культурно-языковое состояние общества, граничащее между литературным языком и жаргоном. Жаргон – это стиль речи, который идет вразрез с нормами современного литературного языка и становится явлением в повседневном общении и взрослых, и подростков, и молодежи, для которой это процесс самовыражения и часть поп-культуры.

Другими словами, мы видим, что культурная атрибуция – это прежде всего метод компаративного анализа историко-культурного или современного социально-культурного материала, с целью изучения определённой, выделенной социальной функции культуры (её свойства), проводимого путём систематизации и типологизации всего многообразия проявлений этой функции у разных народов и в разные исторические эпохи. Показательно и то, что, хотя эмпирически изучается огромный исторический материал, основное прибавление в знании приходится в первую очередь на область теории культуры. При этом не открываются какие-либо новые факты. Производится так называемый вторичный анализ уже введённого в научный оборот материала, позволяющий раскрыть новые неявные, но социально значимые его черты. В этом видится основная особенность культурной атрибуции [15, с. 27-28].

Многие современные лингвисты, исследователи, писатели, журналисты утверждают, что нынешняя русская речь находится в состоянии глубокого кризиса. Создается впечатление, что мало кто следит за своей речью, считая проблемы малозначительной и не столь актуальной. Свобода слова стала наиболее заметной реальностью в современном российском обществе.

В современном мире наблюдается широкое распространение употребления ненормативной лексики, которая проникает в политику, литературу, шоу-бизнес, СМИ, обыденную речь. Наблюдается расширение употребления нецензурной брани, сленга, территориальных диалектов, просторечий, матерщины, заимствование англицизмов, появление новых слов, правописание которых не

утвердилось. Популяризация ненормативной лексики задевает все слои общества. В том числе и молодежь. Студенчество, к сожалению, воспринимает подобный стиль как норму, как признак взрослости и авторитетности. Бранная речь или инвективы (лат. *invectivus* – полный выпадов, резкий, бранный) – это пласт грубой лексики, вводимой в речь с разнообразными целями. Инвективы – речевой автоматизм, не требующий сколько-нибудь сознательного обдумывания слов. Обязательный признак такой лексики – непристойность, намерение жестоко оскорбить собеседника. Бранная речь существует во всех национальных языках и расценивается как недопустимое речевое поведение, показатель низкой культуры имеет сравнительно бедный лексический состав. Несмотря на это, бранная речь отличается неистребимой живучестью [3, с. 74].

Необходимо отметить, что уровень речевой культуры не может быть одинаковым у всех членов общества в силу его социальной, территориальной культурной, возрастной разнородности. Поэтому следует подходить к данной ситуации дифференцированно, поскольку культура речи связана с литературным языком и его носителями. Но нельзя отрицать и тот факт, что в последнее десятилетие наблюдается процесс снижения уровня речевой культуры, наблюдается неуважительное отношение к языку литературному. Язык, как и человек имеет свой жизненный потенциал, свою структуру и национальные особенности и, как в музыке – свой ритм и свой размер. Наша речь – это наша аттестация. Не зря язык называют сокровищницей духовной жизни культуры российского общества и национального самосознания. Характер нации, русского человека ясно отражен в зеркале языка. Важно какими словами и конструкциями мы пользуемся, общаясь друг с другом. По языку, по его стилистическим характеристикам нам понятно, что представляет наш язык. Внутренний мир народа в языке. Никита Михалков говорил, что Россия – российская сторона. Это территория, где осели – люди – россияне. Данная тема неохватная, требующая материала

исторического, культурологического, географического. Русские – это все, кто думает и говорит по-русски. Их психологический портрет и менталитет особенный, отличающийся от других. У философов есть понятие начало нации и конец нации. Мы нация конца, нация, которая глубоко смотрит в корень жизни. Россия – страна непредсказуемая. Она смотрит преимущественно в небо, т.е. желание россиян – постичь что-либо. Далай-Лама верно отметил: «Русская душа – щедрость, незнающая границ!». Так, почему мы тогда так скупы на соблюдение этики в общении, почему забываем о нормах современного русского литературного языка? Почему нынешняя речь находится в кризисном состоянии? Бранная речь, как известно, существует почти во всех национальных языках? У такого богатейшего государства, как Россия не может не быть обращено пристального внимания на роль и значение государственного языка, на его речевую культуру, имеющую мировое значение и мировой авторитет [12, с. 142].

Язык/речь – удивительная субстанция, одновременно представляемая как продуцируемая и как продуцирующая сущность. Речь не санкционирована, как бы мы ни нормировали, ни очищали ее. Период нормирования языка уступил свои позиции изучению особенностей употребления речи. Тенденция нормирования речи в виде оформления основ искусства речи имеет строго этическую и эстетическую ориентацию. Лингвистические действия, производимые над языком, перешли в другую сферу – речь (грамматика языка / грамматика речи). Однако принцип конвенциональности был сохранен, что привело к формализмам в области логического анализа языка. Создавшееся положение в данной области сегодня диктует новые тенденции, ориентированные на изучение естественного языка. Естественная, неконвенциональная природа речи, характеризующаяся спонтанностью, непредсказуемостью, хаотичностью, открывает новые перспективы для решения вопросов лингвистической области аргументации в междисциплинарной зоне [14, с. 52].

С должным ли уважением мы относимся к родному языку? Почему в богатейшем языке мира столько унижающего в речи – вульгарной, грубой, непристойной ненормативной лексики? Многие считают данную проблему не столь актуальной и малозначительной.

Основными социально-политическими и психологическими факторами, определяющими развитие, распространение ненормативной лексики являются:

1. Свобода слова.
2. Отмена политической цензуры.
3. Нестабильность политического и экономического положения страны.
4. Культурная дезинтеграция.

Зигмунд Фрейд, пытаясь подвести психологическую основу данного явления подчеркивал, что ни одно слово не говорится просто так, а отражает наши глубинные склонности и влечения.

Сегодня никто не будет спорить о том, что Интернет является колоссальным источником информации. Его возможности неисчерпаемы. Это не только инструмент познавательной активности, но и инструмент межличностных отношений и общения. Стиль общения в Интернете потребовал новых языковых средств коммуникации или переформатирование старых [6, с. 90].

Общеизвестно, что воспитание является важным, а может и самым главным, направлением в педагогике. Этот процесс начинается с самого рождения. Недостаточное внимание в системе воспитания к молодому поколению привело к серьезным проблемам, а результат – кризис ценностей не только молодежи, но и всего российского общества. Мы-преподаватели высшего учебного заведения, наблюдаем динамику падения духовно-нравственных и культурных идеалов, деидеологизацию общества и образования. А дает ли вуз то, чего требует? Справедливо заметить, что преподаватели сосредоточены на образовательном процессе, на преподавании своих дисциплин и их порой не очень волнует, как общаются их студенты,

чем живут, какие формы внеаудиторной работы используют и применяют кураторы групп? Да, молодое поколение недостаточно читает, мало, кто посещает театры, выставки..., но эти проблемы разрешимы [12, с. 143].

Главное в деятельности любого вуза – процесс обучения и поэтому возможен процесс формирования у молодежи духовно-нравственных ценностей, культуры речи, культуры общения посредством учебных дисциплин социально-гуманитарного блока. Значительную роль могут сыграть такие дисциплины, как философия, литература, этика, (профессиональная этика), эстетика, культура речи, история, культурология, социология, теория и практика делового общения, религиоведение и др.

Таким образом, мы можем смоделировать и скорректировать процесс на проявление интереса, чувства гордости и любви к самобытной русской культуре, к ценности русской речи и русского слова, к добрым отношениям между людьми, научиться оценивать политические ситуации в нашей стране и за рубежом, быть в центре исторических, политических, культурных событий и явлений общества. Считаю, что преодолеть данную проблему целесообразно через содержание учебных дисциплин в вузе [9, с. 49].

В настоящее время в русской речевой культуре происходит процесс, называемый криминализацией разговорной речи. На фоне всепоглощающем просторечии, выделяются слова и обороты, пришедшие из преступных субкультур. Криминальный жаргон, к сожалению, вхож в лексику политиков, СМИ, в сферу официального языка. Жаргонная лексика звучит не только в речи взрослых, но и детей. Так, как будет осуществляться у них система ценностей и формироваться отношения с окружающим их миром? Инвективы, нецензурные выражения всё активнее внедряются в нашу жизнь, наше общение. Данный процесс можно назвать опошлением русского языка.

Взрослеющий ребенок пытается быть «сильным» и «взрослым» – может, в этом психологическая причина криминализации детской и подростковой речи? Язык, речь – это отражение структуры ценностей общества. А та система ценностей, идущая из преступного мира, ведет к цинизму, к потере тех идеалов и ценностей, которое выработало человечество в процессе своего развития. «Свобода слова» – это не свобода говорить все, что заблагорассудится. Свобода слова – это свобода выражать свое мнение, взгляды с позиции должного уважения к человеку и обществу [4, с. 86].

Необходимо обратить внимание и на языковую особенность современной рекламы. Здесь и объявления, и анонсы, и аннотации и т.д. – это особые типы текста. Главная задача рекламистов – привлечь внимание к товару и заинтересовать любыми средствами потенциальных потребителей в приобретении данного товара. Проблемы, возникающие у рекламистов, связаны с общим кризисом русского языка – это просторечная лексика, ненормативная лексика, иностранная лексика, наличие неологизмов-гибридов типа «Не тормози! Сникерсни!» или реклама, например: «Бестселлером нового сезона стала стиральная машина «Мах» и др.».

Особенно активно выделяются рекламные термины с фармакологии, медицины, экономики и т.д. Например, «Геровитал» – сердца празднуют весну», «Карсил» – придаст печенке новых сил» и мн. др. [11].

Одним из распространенных явлений разговорной речи, а также в прессе и СМИ стало употребление слов-универбатов, имеющие давнюю историю. Универбация характерна не только для русского, но и других славянских языков. Явление универбации довольно широко изучено в разных аспектах, активно транспортируемое в разговорную речь. Изучение жаргонных универбатов могут предоставить интересные данные в языковом аспекте и вызвать заинтересованность у дериватологов-когнитивистов. (Дериватология – это раздел языкознания, изучающий словообразовательные отношения в языке).

Весьма заметен весомый вклад отечественных лингвистов, чьи исследования сыграли значительную роль в создании модели языковой деятельности, в центре которой познавательный потенциал человека [10, с. 22].

Наблюдается динамика речи и стиля в российской периодике начала XXI столетия по лингвистическому осмыслению процессов активного употребления лексических единиц в неприсущих для них функционально-стелевых сферах, обобщению новой информации об источниках пополнения лексики российской периодики в конце второго десятилетия XXI века. Развитие новых технологий, как известно, предусматривают создания соответствующих терминосистем, среди которых важное место занимает специальная лексика сферы информационных технологий. Именно она стала одним из основных источников пополнения речи российской периодики новыми книжными единицами. Информационная терминология представлена целым рядом специальных словосочетаний: архивация данных, система кодификации, локальная сеть и др. На основе наблюдений за вхождением разговорных элементов в речь российской периодики показано межстилевое лексическое взаимодействие. Отмечено, что функционально-стилевая диффузность лексики – одна из определяющих тенденций в развитии языка российских средств массовой информации, а также проявление постоянной динамики в словаре.

Заключение

Сегодня русская речь и русский язык во многом обновляются. Мы с интересом относимся к языковым находкам, к появлению слов-неологизмов, к процессам, происходящим на современном этапе, поскольку язык служит отображением событий и явлений, происходящих в обществе, пытаюсь определить конкретное направление, в котором он движется.

Мы задаем себе вопрос «Знаем ли мы свой родной язык?». Можно ответить так: «Изучать его мы должны всю жизнь! Это наш долг!»

Общество не стоит на месте, человек движет им – современная личность с высоким культурным потенциалом и исключительной значимой ролью русского языка, его духовной ценностью. В языке наш менталитет. Ценность русской речи в его носителях и в том, что «великий и могучий» является государственным языком Российской Федерации и языком межнационального общения. Это многое значит...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аннушкин В.И. Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2016. 88 с.
2. Богданович Г.Ю. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Г.Ю. Богданович, Л.И. Рудницкая. Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. 284 с.
3. Богданович Г.Ю. Речевой этикет: учебное пособие. Киев. Педагогічна думка, 2012. 200 с.
4. Большой академический словарь русского языка / Под ред. К.С. Горбачевича. СПб.: Изд-во «Наука», 2007. 839 с.
5. Бурлак С. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель: Либроком, 2016. 464 с.
6. Гуманитарные технологии. Аналитический портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7132>.
7. Диброва Е.И. и др. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. Вузов. Ч.1. / Под ред. Е.И. Дибровой. 3-е изд. М., 2018. 480 с.

8. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. Изд. 3-е, испр. и доп. (электронное издание). СПб.: Златоуст, ЯрГУ, 1999. 81 с.
9. Крысин Л.П. Эвфимизмы в современной русской речи. Берлин: Русистика, 1994. № 1-2. С. 28-49.
10. Мардиева Л.А. Жаргонная лексика в современном публицистическом стиле // Бодуэновские чтения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. Т.2. С. 21-30.
11. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». № 250-251, 2006. URL: [http:// www.demoscope.ru /weekly 2006/0251/ tema 01 php](http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema_01.php) (Дата обращения: 03.04.2019).
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 368 с.
13. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 2009. 159 с.
14. Фанян Н.Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область: монография. Краснодар, 2000. 233 с.
15. Флиер А.Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник МГУКИ. 2015. № 6. С. 24-30.

Глава 3.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Л.С. Малик

Л.А. Мелкая

В условиях глобальных вызовов современности и трансформаций российского общества социальная работа как полифункциональная профессиональная деятельность выступает фактором построения гражданского общества, достижения социального благополучия, повышения качества жизни населения. Современное понимание общественного феномена социальной работы определяет её в качестве ресурса социального развития, поскольку социальная работа перешла рамки «поддерживающей концепции» в сторону реализации профилактических стратегий, повышения степени активности клиентов в решении собственных проблем, вовлечения в орбиту внимания семьи и социального окружения. В контексте современной идеологии социальной работы специалисты являются проводниками и фасилитаторами позитивных изменений. В этой связи развитие образования специалистов социальной работы характеризуется постоянным поиском путей повышения качества профессиональной подготовки в русле гуманистической парадигмы.

Перед высшей школой поставлена сложная задача: с одной стороны, сохранить фундаментальный характер обучения, транслировать гуманистические и аксиологические компоненты профессии, с другой стороны, обеспечить многоуровневость, дифференциацию образования, отвечая вызовам стандартизации, специализации, диверсификации. Выстраивать образовательный процесс следует с учётом пока сохраняющихся противоречий между целями социальной работы, содержанием обучения, реальной

профессиональной деятельностью специалистов, что актуализирует потребность осмысления происходящих трансформаций сквозь призму педагогических подходов, формирования интегративной методологической основы для построения гибких и многовариативных образовательных программ нового типа.

Выпускнику высшей школы по направлению подготовки «Социальная работа» уже недостаточно обладать базовой системой «знания-умения-навыки», ведь без четвертой дидактической единицы – опыта практической деятельности и интегральных компетенций – она теряет свою релевантную ценность. Адаптивность, гибкость, критическое мышление, способность ориентироваться в больших потоках поступающей информации, готовность нести ответственность за принимаемые решения, умение быстро перестраиваться, оперативно действовать в постоянно меняющихся социальных и профессиональных средах, ситуациях неопределённости, нестабильности, без готовых схем, шаблонов и алгоритмов – именно эти качества характеризуют профессионала в сфере социальной работы.

Современная идеология социальной работы выстраивается из множества концептуальных парадигм, теоретических подходов, которые в совокупности определяют содержание и магистральные направления её развития. Ввиду плюралистичности научно-теоретической базы и молодости профессии социальная работа в России ещё не полностью преодолела этап «признания», социально-культурной легитимации. Неопределённость институциональных основ обуславливает диссонанс между обучением и профессиональной деятельностью специалистов в различных практических отраслях социальной работы. На основе актуальных исследований в области теории и практики социальной работы Бобкова В.Н. [2], Григорьевой И.А. [7; 8], Гуслияковой Л.Г. [6; 9], Келасьева В.Н. [11; 12], Малик Л.С. [15], Романова П.В., Ярской-Смирновой Е.Р. [18], Соловьёва А.В. [20; 21], Старшиновой А.В. [22],

Холостовой Е.И. [23], Фальковской К.И. [24] можно выделить наиболее важные для дискуссии вопросы:

- Социальная работа является инструментом построения гражданского общества, достижения социального благополучия или фактором стабилизации социальной ситуации, нивелирования социальных проблем?
- Миссия специалистов социальной работы состоит в трансляции гуманистических идей, ценностей, фасилитации позитивных общественных изменений или в осуществлении социального регулирования и контроля?
- Социальная работа выступает автономной социально-конструируемой деятельностью или находится в непосредственной зависимости от социальной политики и спроса различных групп населения на конкретные виды социальных услуг?

Эти вопросы требуют дальнейшего обсуждения научным и профессиональным сообществом, поиска и достижения консенсуса между теорией, практикой, образованием в свете современной идеологии социальной работы. В идеальном варианте профессиональная подготовка специалистов социальной работы должна отличаться фундаментальностью обучения, глобальностью и универсальностью получаемых знаний. В реальности перед системой профессиональной подготовки поставлены более прозаичные задачи – требуется усиление специализации и диверсификация образовательных программ. Сохранение разрыва между «идеалом» и «реальностью» может придать системе профессиональной подготовки инерционный, дестабилизирующий характер, привести к депрофессионализации, исчезновению единой профессии «Социальная работа».

Проанализировать обозначенные проблемы представляется возможным в русле системно-синергетической педагогической теории. Так, трансформацию подготовки специалистов социальной работы можно рассмотреть в качестве бифуркационного процесса,

дестабилизировавшего привычное функционирование нелинейной системы. Поскольку образовательные системы подчиняются детерминистским законам, за каждой точкой бифуркации (или ветвления) априори следуют определённые качественные изменения. Для сохранения управляемости и выработки альтернативных решений в части поддержания устойчивого развития этой системы, необходим поиск интегративных основ, непосредственно приближенных к точке бифуркации. Понимание обозначенных дискутируемых моментов создаёт базу для педагогического осмысления, содержательного и технологического оснащения профессиональной подготовки специалистов. Это требует комплексного анализа тенденций и трендов, наблюдаемых в её ключевых сферах и областях.

Модернизация системы профессиональной подготовки специалистов социальной работы происходит в контексте «тихой революции» образования, в которой проявляется ряд существенных тенденций и трендов. В исследовании «Higher education edition», проведённом в 2017 г. New Media Consortium (NMC) и участниками образовательного проекта “EDUCAUSE”, общемировые тенденции развития высшего образования классифицируются на долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные [30].

Долгосрочные тенденции (от 5 до 10 лет) включают достижение «культуры инноваций», что подразумевает ставку на стимулирование критического мышления студентов, формирование предпринимательских навыков, усиление самостоятельной работы на всех этапах обучения.

Среднесрочные тенденции (от 3 до 5 лет) означают информатизацию образования; выход на «глубинный подход» в обучении; реорганизацию учебных пространств университетов с целью их максимальной приближенности к реальным социальным и профессиональным средам.

Краткосрочные тенденции (до 3 лет) предполагают реализацию «обучения через действие» и «смешанного обучения» в русле так

называемого коллективного подхода (сотрудничество и работа в мини-группах, командах для решения профессиональных задач и практических кейсов).

В модернизации системы профессиональной подготовки специалистов социальной работы можно отметить также тенденции непрерывности образования, софтизации, информатизации, геймификации, присущие, по сути, всем направлениям подготовки и специальностям высшей школы. Так, большую ценность сегодня представляет формирование у обучающихся soft-skills – интегративных компетенций, обобщённых знаний и умений, не связанных напрямую с областью и предметом профессионального обучения. Цель подготовки социальных работников – соединение образования с развитием личности обучающихся, умением гибко использовать полученные в вузе знания, умения, навыки – ситуационно и системно – в практической деятельности, имеющей разнообразный контекст в постоянно изменяющихся социальных условиях и профессиональных средах.

Указанные тенденции в той или иной степени оказывают влияние на функционирование образовательных систем вузов, однако, можно выделить несколько трендов, присущих непосредственно системе профессиональной подготовки специалистов социальной работы. Если тенденции означают определённое направление развития образования, имеющее содержательную составляющую, то тренд – это объективно существующее, устойчивое явление, спроектированный и конкретизированный путь развития различных образовательных систем. В настоящее время вектор трансформации профессиональной подготовки специалистов социальной работы задают три ключевых тренда: профессионализация, стандартизация, менеджерализация.

Профессионализация социальной работы понимается в широком и узком контекстах: как развитие профессиональных институтов в целом, так и формирование системы представлений о сущности

профессионализма практикующих специалистов. Социологические исследования Е.Р. Ярской-Смирновой [29] и А.К. Сельчёнок [19] подтверждают наличие разрыва между официально признанной концепцией профессионализма, закреплённой нормативными требованиями профессиональных стандартов, и представлениями самих специалистов социальной работы о необходимых на практике знаниях, умениях, навыках.

Профессионализм в социальной работе может рассматриваться в двух ипостасях. В первом случае профессионализм описывается в качестве неотъемлемой характеристики действующего специалиста-практика или обобщённой типовой модели профессионала (Арпентьева М.Р. [1], Живоколенцева У.В. [10], Ярская-Смирнова Е.Р. [29] и мн. др.). Во втором случае профессионализм рассматривается в макромасштабе, как ведущая парадигма социальной работы (Боссонг Х. [4], Фирсов М.В. [26], Шанин Т. [27] и др.). В последнем варианте система профессиональной подготовки специалистов социальной работы выступает одним из атрибутов профессионализма наряду с идеологией, теоретической базой, социальным мандатом, профессиональными ассоциациями [27]. Указанная двойственность профессионализма – возможность отнесения к социально-профессиональным группам специалистов и профессии в целом – открывает путь формирования философии профессионализма, служащей траекторией профессионализации и идеологической основой подготовки специалистов в высшей школе.

Профессионализм в социальной работе включает следующие критерии [14]:

- содержательный (требования профессии к профессионально-личностным качествам специалиста, оформленные в профессиограмму);
- нормативный (профессионально-квалификационные требования, закреплённые профессиональными стандартами и

Единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и других служащих (ЕКС);

– потенциальный (комплекс формируемых на этапе обучения компетенций согласно образовательным стандартам).

Выпускник по направлению подготовки «Социальная работа», независимо бакалавр или магистр, – прежде всего, компетентный, высококвалифицированный специалист в нескольких областях знания, применяющий в своей деятельности творческие, нестандартные подходы. Здесь важны и профессиональное мастерство, и личностные качества, и жизненный опыт. Другие словами, профессионализм специалиста – умение раскрыть в практической деятельности профессионально-личностные качества; применять компетенции, которые были сформированы на этапе профессиональной подготовки; спроектировать дальнейшие точки профессионального роста и развития.

Относительно построения новых образовательных концепций современная идеология социальной работы тесно коррелирует с практико-ориентированным подходом, который представляет собой оптимальное сочетание фундаментального и профессионально-прикладного обучения. Здесь можно отметить внедрение новых профессионально-ориентированных образовательных технологий, направленных на освоение студентами предстоящих функциональных обязанностей; расширение форматов и видов практик с целью вовлечения обучающихся в разнообразные профессиональные и социальные среды; внедрение знаково-контекстного обучения в реализацию профильных и непрофильных дисциплин. Сущность и содержание практико-ориентированного подхода в образовании описаны Т.Н. Бондаренко и А.П. Латкиным [3], О.Ю. Ворожбит и В.Г. Кривошаповым [5], И.Г. Миневриным [16], Ф.Г. Ялаловым [28] и многими другими.

Практико-ориентированный подход позволяет совместить в подготовке специалистов социальной работы учебно-познавательный,

квазипрофессиональный, учебно-профессиональный виды деятельности; интегрировать в единую систему учебный процесс, науку, практику и реальные сектора социально-экономической сферы. Реализация практико-ориентированного подхода в социальной работе опирается на чёткую систему принципов [3; 5; 13; 16; 28]. Кратко обозначим их далее.

– Принцип непрерывности образования: обеспечение права на образование в течение всей жизни в русле концепции “lifelong learning”.

– Принцип академической свободы и академической мобильности: стимулирование учебной и научной мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава.

– Принцип модульности в обучении: внедрение разноплановых модулей на уровне построения учебного процесса и обеспечение модульности при реализации отдельных дисциплин.

– Принцип практико-ориентированного целеполагания: построение процесса обучения с опорой на профессиональные и личные цели каждого студента, его индивидуальное самоопределение и мотивацию.

– Принцип выработки индивидуальной образовательной траектории: самостоятельное конструирование обучающимися основных компонент и содержания своего образования в целом.

– Принцип продуктивности обучения: постоянное образовательное приращение и развитие личностных и профессиональных качеств, «изучение на опережение» с активным использованием новых креативных методов (проблемно-ориентированное обучение, проектный метод и т.д.).

– Принцип ситуативности обучения: исследование реальных процессов в социальной работе и специальное создание профессиональных и проблемных ситуаций для проявления творчества и активности, самостоятельности, сознательности студентов.

– Принцип образовательной рефлексии: постоянный самоанализ и осмысление обучающимися особенностей, проблемных аспектов и результатов своей учебно-профессиональной деятельности.

В контексте практико-ориентированного подхода существенно меняется и роль преподавателя высшей школы – для будущего специалиста социальной работы он становится ментором, наставником, образцом профессиональной, научно-исследовательской, педагогической культуры. Главная задача преподавателя состоит не в передаче конкретных знаний, а в формировании профессионального мировоззрения будущих специалистов, развитии способности студентов к объективному и всестороннему анализу социальных процессов, оценке трудной жизненной ситуации клиента в аспекте современной идеологии.

Второй указанный тренд трансформации подготовки специалистов обозначен профессиональной и образовательной стандартизацией социальной работы. Профессиональный стандарт содержит характеристику квалификации, необходимой для осуществления реального вида профессиональной деятельности, выполнения той или иной трудовой функции; образовательный стандарт определяет построение образовательного процесса и задаёт схему общей компетентностной модели выпускника.

В настоящее время можно говорить о взаимопроникновении профессиональных и образовательных стандартов: с принятием в 2018 году ФГОС ВО 3++ фокус внимания сместился на образовательные программы, отвечающие запросам практических отраслей социальной работы. В новом ключе образовательные стандарты задают только рамки обучения, трудоёмкость отдельных частей образовательной программы, определяют общие требования к материально-техническому оснащению, кадровому составу преподавателей. Содержание обучения ФГОС ВО 3++ фактически не регламентируется. Основой разработки и совершенствования образовательных программ нового типа, равно как и инструментом

оценки профессиональной деятельности специалистов, выступают профессиональные стандарты. Наличие высшего образования по направлению подготовки «Социальная работа» предполагают / допускают 5 из 14 профессиональных принятых стандартов сферы «03. Социальное обслуживание» – специалиста по социальной работе, специалиста по работе с семьёй, руководителя организации социального обслуживания, специалиста органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних, специалиста по оказанию государственных услуг в области занятости населения.

Вместе с тем вопросы алгоритмизации и технологизации проектирования образовательных программ с учётом профессиональных стандартов находятся в зоне дефицита. В более выигрышное положение поставлены ведущие научно-исследовательские и федеральные университеты, которые, согласно п. 10 ст. 11 Федерального Закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [25], имеют право разработки самостоятельно устанавливаемых образовательных стандартов (СУОС). Такие стандарты позволяют учесть специфику социальной работы в регионе; потенциальные возможности учреждений и организаций-партнёров, которые могут быть привлечены к образовательному процессу; ориентироваться на конкретные типы решаемых выпускниками профессиональных задач. Право организации образовательного процесса по СУОС было закреплено за ведущими университетами ещё с 2012 года, однако потребности в их разработке не наблюдалось – ФГОСы предоставляли чёткий перечень видов деятельности выпускника и общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных компетенций.

Третий обозначенный тренд – менеджерализации социальной работы – практически не описан в научной литературе. Менеджерализация социальной работы отражает либерализацию социальной сферы, децентрализацию управления, организационно-административные реформы на уровне функционирования

социальных служб. Развитие данного тренда связано со становлением современных концепций управления социальной работой – Results Based Management, New Public Management, Total Quality Management. Кратко опишем каждую из них.

Концепция Results Based Management характеризует систему социального управления, ориентированную на результат, включающую стратегическое планирование и соответствие критериям SMART (конкретность, измеримость, достижимость, релевантность, ограниченная временная перспектива). Новый общественный менеджмент (New Public Management) предполагает оптимизацию и повышение эффективности социального управления за счёт поддержания конкуренции, развития муниципально-частного и государственно-частного партнёрства, перераспределения полномочий с государственного уровня на региональный, с регионального – на местный уровень. Концепция Total Quality Management означает всеобщее, тотальное управление качеством, повсеместное внедрение оценочных систем в практических отраслях социальной работы.

С учётом названных концепций можно рассмотреть проявления менеджерализации социальной работы на трёх уровнях:

- институциональном (переориентация системы социальной работы на сферу социального обслуживания и социального сопровождения различных групп населения);
- общепрофессиональном (преобразование функционально-ролевого репертуара специалиста, деятельность которого смещается к ролям фасилитатора, куратора случая, проектанта, менеджера в сфере предоставления социальных услуг различным группам населения);
- личностном (ставка на выполнение управленческих функций в процессе реализации индивидуальных и групповых программ социальной помощи и поддержки).

При этом не следует приравнивать тренд менеджерализации социальной работы к «переводу» профессии в сферу менеджмента. В

глобальной перспективе менеджерализация нацелена на совершенствование практических отраслей социальной работы, поскольку позволяет соединить глобальные цели социальной работы и актуальные, реальные механизмы их достижения. Влияние менеджерализации социальной работы на систему профессиональной подготовки заключается в необходимости развития у специалистов способностей к управленческой деятельности, начиная с первых этапов обучения. Способности к управленческой деятельности априори являются центральной составляющей профессиональной компетентности специалиста социальной работы независимо от того, занимает он «линейные» или руководящие должности.

В целом, способности к управленческой деятельности, означают выполнение специалистом триады управленческих функций «планирование – организация – контроль». Вопрос их развития требует дальнейших научно-практических разработок, дидактического и методического обеспечения, в частности – включения в каждый реализуемый модуль и дисциплину решение профессиональных задач и практических кейсов с последующим наращиваем их сложности. Это открывает пути повышения престижа профессии в социуме; усиления конкурентоспособности сферы в контексте возрастающей фрагментации российского общества, расширения и усложнения контингента обслуживаемых групп населения.

Тренд менеджерализации в системе профессиональной подготовки позволит прийти в практику специалистам, обладающим пониманием современной идеологии социальной работы, осознающим возможности собственного влияния на построение и ход реализации социальной политики. Профессиональная автономия специалистов социальной работы даёт возможность представлять и отстаивать интересы различных групп и слоёв населения, тем самым содействуя разрешению явных, выявлению латентных социальных проблем и, в широкой перспективе, достижению социального благополучия, повышению качества жизни населения, развитию гражданского

общества. Благодаря сформированным способностям к управленческой деятельности менеджер социальной работы может оптимально организовать социальную работу на муниципальном, региональном, федеральном уровнях реализации за счёт сплочения инициативных проектных групп, развития местного сообщества, стимулирования общественных инициатив, государственно-частного партнёрства, привлечения ресурсов общественных, экономических, политических сфер.

Три указанных тренда развития социальной работы, оказывающие влияние на трансформацию системы профессиональной подготовки специалистов, открывают не только потенциальные пути повышения качества образования, но и проецируют перед высшей школой принципиально новые педагогические задачи:

- обеспечение релевантности образовательных программ посредством «стыковки» и взаимного соответствия ФГОС ВО 3++ и профессиональных стандартов;
- актуализация технологий персонализированного обучения – предоставление обучающимся возможности построения динамичных индивидуальных образовательных и профессиональных траекторий;
- формулирование профессиональных компетенций с учётом структурных и содержательных положений образовательных и профессиональных стандартов, запросов работодателей.

Центральный вопрос заключается в том, каким образом сохранить и усилить качество профессиональной подготовки специалистов социальной работы, обеспечить соответствие результатов обучения, с одной стороны, нормативным требованиям, с другой стороны, социальным и личностным ожиданиям от профессии. Новации в системе профессиональной стандартизации предполагают переход от предоставления университетами «готовых» вариантов образовательных программ к их совместной разработке с профильными учреждениями и организациями – партнёрами и работодателями. Необходимо сформулировать педагогические цели,

осуществить поиск ресурсов обновления системы профессиональной подготовки специалистов социальной работы в аспекте современной идеологии.

Учитывая положения системно-синергетической педагогической теории, следует преобразовать проблемные моменты в образовании по направлению «Социальная работа» в потенциальные точки роста и развития. Нужно выстроить систему профессиональной подготовки таким образом, чтобы учесть и составляющие современной идеологии социальной работы, и ключевые тренды – профессионализации, стандартизации, менеджерализации. Путь к построению эффективных систем профессиональной подготовки специалистов социальной работы начинается, как ни странно, с низового уровня – образовательной программы. Поскольку вузы сегодня не располагают примерными основными образовательными программами (ПООП), необходимо идти по принципу «от частного к общему» – от построения и реализации университетами образовательных программ до постепенной модернизации всей системы профессиональной подготовки специалистов социальной работы. Подобный подход обеспечит многовариативность, диверсификацию, дифференциацию образования по направлению «Социальная работа».

Начало модернизации системы профессиональной подготовки специалистов социальной работы включает в ближайшей перспективе три актуальных направления:

- Формулирование запроса со стороны практики – потребности в специалистах определённого профиля и квалификационного уровня.
- Функционирование совместных рабочих групп в формате «организации-работодатели – университет – органы исполнительной власти региона» с последующим налаживанием трёхстороннего взаимодействия.
- Формирование образовательной среды и организация обучения студентов сообразно социальному заказу.

Образовательные стандарты, совместимые с профессиональными стандартами (ФГОС ВО 3++) демонстрируют широкие возможности проектирования основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) нового типа и модулей, структура и содержание которых соответствуют потребностям различных практических отраслей социальной работы. Однако этот процесс, как уже было отмечено, слабо подкреплён в методическом и дидактическом отношении; отсутствуют комплексные рекомендации по проектированию образовательных программ и модулей нового типа. Ракурс переводится на потенциал социальной автономии вуза и, в частности, профильных кафедр в части алгоритмизации и технологизации процесса проектирования образовательных программ.

Центральная задача деятельности профильных кафедр – сформировать постоянные рабочие группы из числа преподавателей, ведущих цикл профессиональных дисциплин, представителей учреждений и организаций социальной сферы (с опытом работы не менее 3 лет), профильного министерства, специалистов по современным образовательным технологиям. Подобные группы призваны выбрать наиболее актуальные профессиональные стандарты; спроектировать вариант образовательной программы, содержание которой соответствует запросам практики; сформулировать перечень востребованных профессиональных компетенций выпускника и образовательных результатов, которые должны исходить из трудового функционала специалистов.

За рабочими группами остаётся право выбора объекта и области профессиональной деятельности, спектра трудовых функций согласно предполагаемому уровню квалификации, типа задач профессиональной деятельности выпускника, отбора содержания модулей и дисциплин, определения образовательных результатов в качественно-количественном измерении. Рабочие группы вправе не ограничиваться профессиональными и образовательными стандартами, а учитывать в процессе проектирования требования

рынка труда, рекомендации потенциальных работодателей и мнение экспертного сообщества.

Достижение образовательных результатов должно обеспечиваться набором разноплановых модулей и дисциплин. Между дисциплинами, входящими в традиционную трёхзвенную структуру модуля (базовая часть, вариативная часть, дисциплины по выбору), следует поддерживать концептуальную, контекстуальную, дидактическую взаимосвязь с целью обеспечения преемственности и диалектического взаимодействия в вертикальном и горизонтальном отношении. Модули должны учитывать обозначенные дискутируемые вопросы в части согласования между целью социальной работы, миссией специалистов, степенью автономии профессиональной сферы. Безусловно, образовательная программа должна быть подвержена экспертной оценке на предмет технологического соответствия (эксперты вузовского сообщества) и содержательного соответствия (профессионально-экспертное сообщество). Такой диалог между теорией и практикой, начиная с этапа проектирования образовательной программы, обозначает перспективы построения системы профессиональной подготовки специалистов социальной работы, релевантной положениям нормативных документов, общественным потребностям, социальным, профессиональным, личностным ожиданиям.

Вместе с тем, функционирование рабочих групп не ограничивается вопросом проектирования образовательных программ, разработки модулей и дисциплин. Во-первых, рабочие группы демонстрируют потенциал дальнейшего формирования многосторонних альянсов на основе трипартизма – трёхстороннего паритетного сотрудничества, обеспечивающего интеграцию науки, образования, профессионально-экспертного сообщества и органов исполнительной власти региона [17]. Во-вторых, взаимодействие вуза и работодателей включает также постепенное внедрение системы профессионально-общественной аккредитации качества реализуемых

образовательных программ, стимулирование создания профессиональных союзов и ассоциаций.

Налаживание взаимодействия, партнёрства, сотрудничества университета с социальными учреждениями и организациями, органами исполнительной власти региона представляет собой реальный ресурс сближения теории и практики социальной работы с привлечением общественных инициатив. Целесообразно выделить три ключевых направления взаимодействия в системе профессиональной подготовки специалистов.

– Проведение исследований по актуальным проблемам социальной политики и социальной работы.

В рамках данного направления взаимодействия предполагается проведение лонгитюдных социальных исследований и организация мониторинга оценки изменений жизнедеятельности различных групп населения. К проведению исследований целесообразно привлекать обучающихся для формирования спектра необходимых выпускнику исследовательских компетенций. Также студенты бакалавриата и магистратуры должны проводить эмпирические научные исследования в рамках подготовки курсовых проектов, выпускных квалификационных работ согласно социальному заказу – по актуальным темам, сформулированным специалистами профильного министерства.

Необходимы стажировки обучающихся в рамках сетевого сотрудничества с социальными учреждениями и организациями других регионов и зарубежья. Распространение результатов исследований между акторами социальной работы, предоставление методических рекомендаций учреждениям и организациям социальной сферы позволит установить связь между научными исследованиями и практикой, усилить превентивную направленность социальной работы.

– Научно-методическое сопровождение социальной работы.

Отмеченное направление нацелено на построение диалога между субъектами образовательного процесса и профессиональным сообществом. Предполагается, с одной стороны, вовлечение профессионалов-практиков в образовательный процесс в качестве преподавателей, консультантов, супервизоров и, с другой стороны, обеспечение постоянного экспертного участия доцентов и профессоров университета в комиссиях, общественных советах, консультативных и коллегиальных органах управления разных уровней социальной работы. Данное направление взаимодействие позволит согласовать единый понятийно-категориальный аппарат социальной работы; сформировать обобщённую компетентностную модель специалиста; наладить коммуникацию и обмен мнениями между преподавателями и практиками.

В перспективе могут функционировать ресурсные площадки в системе социальных учреждений и организаций и создаваться базовые кафедры в структурных подразделениях профильного министерства.

Целесообразно выработать механизмы рекрутирования к освоению образовательных программ мотивированных кадров, имеющих среднее профессиональное образование и опыт практической деятельности в системе социальной работы. Это позволит привлечь в систему подготовки лиц, имеющих комплексное представление о профессии, что повысит образовательный уровень и квалификацию практикующих специалистов.

– Совместное развитие волонтёрской деятельности студентов.

Указанное направление имеет целью обеспечение реализации специалистами своей миссии в части трансляции гуманистических идеалов, ценностей, фасилитации позитивных изменений и осуществлении социального контроля и регулирования общественных отношений.

Система профессиональной подготовки специалистов социальной работы должна включать организацию волонтёрской деятельности обучающихся в учреждениях и организациях

социальной сферы. Причём следует поддерживать не «событийное» волонтерство, а осуществление постоянной добровольческой и наставнической деятельности. Это позволит студенту с начала обучения лучше ориентироваться в социальных и профессиональных средах, набирать опыт общения с разным контингентом клиентов, осуществлять рефлексию на предмет соответствия собственных качеств требованиям профессии. Волонтерская деятельность студентов должна быть регламентирована соглашениями и договорами о сотрудничестве между вузом и социальной организацией, предполагать рекрутинг и специальное обучение волонтеров.

В данное направление следует также отнести подготовку и реализацию инициативными проектными группами обучающихся социально-значимых проектов. Это позволит студентам приобрести навыки проведения небольших фандрайзинговых кампаний и подачи заявок на грантовую поддержку в социальные фонды.

Несмотря на пока имеющиеся противоречия в системе профессиональной подготовки специалистов социальной работы, сложности проектирования образовательных программ нового типа, недостаточную методическую и дидактическую оснащённость этого процесса, трансформация системы профессиональной подготовки специалистов социальной работы направлена на сближение обучения с требованиями практических отраслей. Автономия вузов и кафедр в сфере проектирования и отбора содержания образовательных программ позволяет существенно расширить рамки профессионализации социальной работы. Социальная работа включена в укрупнённую группу специальностей «39. Социология и социальная работа», что приближает и зачастую смешивает её с социологией. Однако, социальная работа имеет более широкие концептуальные и теоретические основы, варианты практического приложения в педагогическом, психологическом, медицинском контекстах. Образовательные программы нового типа позволяют

ориентироваться не только на стандарт специалиста социальной работы, но и профессиональные области помимо рамок сферы «03. Социальное обслуживание». Можно выбрать трудовые функции из других профессиональных областей, что позволит сформировать интегративные профессиональные компетенции, расширить функционально-ролевой репертуар выпускника и увеличить возможности его трудоустройства в различные сферы социальной работы.

Система профессиональной подготовки специалистов социальной работы не должна ограничиваться программами бакалавриата и магистратуры, а включать реализацию различных дополнительных профессиональных программ. Это обеспечит возможность «наращивания» профессиональных компетенций для расширения трудового функционала специалиста посредством обучения по программам повышения квалификации и возможности смены вида профессиональной деятельности за счёт освоения образовательных программ профессиональной переподготовки.

Указанные в настоящей работе педагогические аспекты отражают концепцию «университета без стен», деятельность которого не ограничивается осуществлением образовательного процесса, а распространяется на социальные и профессиональные среды. Это путь к сближению теории и практики социальной работы: чем полнее вузом учитываются специфика территории, запросы общества, ожидания выпускников, тем эффективнее и результативнее будет профессиональная подготовка. Специалист, владеющий пониманием современной идеологии социальной работы, будет готов к конструированию профессионального бытия, развитию профессиональных и личностных качеств, перманентному продолжению образования. Построение системы профессиональной подготовки с учётом современной идеологии и трендов профессионализации, стандартизации, менеджериализации позволит оптимально согласовать дискутируемые вопросы по определению

степени автономии профессиональной сферы, миссии специалистов, содержания и целей социальной работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арпентьева М.Р. Социальная работа: интегративная профессиограмма специалиста // Специфика профессиональной деятельности социальных работников / под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НОЦИС, 2015. С. 608-615.
2. Бобков В.Н. От капитализма к новому социальному качеству – народному гуманистическому социализму глобального общества // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 18-36.
3. Бондаренко Т.Н., Латкин А.П. Роль практико-ориентированного подхода в учебном процессе вуза при формировании и развитии отраслевых и региональных рынков услуг РФ // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7784>.
4. Боссонг Х. Зачем нужен профессионализм в социальной работе (размышления в контексте текущих исследований) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 14-17.
5. Ворожбит О.Ю., Кривошапов В.Г. Практико-ориентированный подход к образованию в вузах как фактор развития национальной инновационной системы // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. 2012. № 11. URL: <http://uecs.ru/finansii-kredit/item/1724-2012-11-30-06-11-58>.
6. Григорьев С.И., Гусякова Л.Г. Социологический витализм как основа обеспечения качества социального обслуживания населения. 2013. № 9 (189). С. 42-48.

7. Григорьева И.А., Келасьев В.Н., Первова И.Л. Социальное благополучие как цель социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 4. С. 41-70.
8. Григорьева И.А. О функциях социальной работы в современной России. 2012. № 3 (27). С. 20-29.
9. Гусякова Л.Г., Говорухина Г.В., Григорьев С.И. Виталистская модель социальной работы как основа обеспечения качества жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3. С. 78-80.
10. Живокоренцева У.В. Методические подходы к оценке профессионализма кадров в области социальной работы // Известия Байкальского государственного университета. 2007. № 1. С. 91-94.
11. Келасьев В.Н. Междисциплинарная концепция социальной работы // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2012. Т.17. № 1. С. 38-43.
12. Келасьев В.Н., Платонова Н.М. Человек в процессах включения в социальные среды и исключения из них // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2014. № 2 (22). С. 64-69.
13. Коняхина Ю.С. Практико-ориентированная подготовка специалистов по социальной работе в вузе // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3 (13). С. 362-366.
14. Малик Л.С., Мелкая Л.А. Философия профессионализма в развитии образования специалистов социальной работы // Философия образования. 2018. № 4 (77). С. 23-33.
15. Малик Л.С. Профессионализация социальной работы как ресурс социального развития // Шаг навстречу: связь теории и практики социальной работы: материалы научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 20-летию образования по направлению «Социальная работа» в ПГУ – САФУ имени М.В. Ломоносова (11 декабря 2015 г.). Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова; Ин-т компл. без-ти, Каф. социал. раб. и социал. безоп.;

отв. ред. Н.В. Цихончик. Архангельск, 2016. М.: Издательство «Перо», 2016. С. 20-25.

16. Минервин И.Г. Практико-ориентированная модель подготовки современного специалиста: монография / И.Г. Миневрина, С.В. Абрамова, Е.Н. Бояров, А.С. Ломов. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2014. 152 с.

17. Пальчук М.И. Многосторонние альянсы – современная тенденция развития профессионального образования // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. № 4. С. 1418-1426.

18. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Идеология профессионализма и социальное государство // Антропология профессий, или посторонним вход разрешён / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПИ, 2011. С. 84-81.

19. Сельчёнок А.К. Профессиональный стандарт специалиста по социальной работе как ресурс культурной легитимации профессии // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1. С. 164-173.

20. Соловьёв А.В. Профессионализация социальной работы в России: проблемы и перспективы // Куда идёт Россия?... Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 232-238.

21. Соловьёв А.В. Процесс рождения новых профессий: Социальная работа в США, Великобритании и России // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / Под ред. Ш. Рамон. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 105-120.

22. Старшинова А.В. Идеология социальной работы как актуальная научная проблема // Социальная политика и социология. 2008. № 1. С. 114-119.

23. Холостова Е.И. О некоторых новых подходах к теории социальной работы // Вестник Мордовского университета. 2010. № 2. С. 45-49.
24. Фальковская К.И. Эффективность социальной работы: теоретическое осмысление проблемы // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 89-93.
25. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 03.08.2018 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
26. Фирсов М.В., Студёнова Е.Г. Теория социальной работы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 432 с.
27. Шанин Т. Идеология профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 3. С. 303-328.
28. Ялалов Ф.Г. Деятельно-компетентностный подход к практико-ориентированному образованию // Интернет-журнал Эйдос. 2007. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/477/724/1216/013Yarskaya.pdf>
29. Ярская-Смирнова Е.Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 86-95.
30. NMC Horizon Report > 2017 Higher education edition (Russian) URL: <https://www.nmc.org/publication/nmc-horizon-report-2017-higher-education-edition/>

Глава 4.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРЕЙМА «ВЛАСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Ю.А. Дрыгина

В настоящий момент в науке о языке проходит свое становление новая парадигма научных исследований – когнитивная лингвистика, которая, вне всякого сомнения, представляет собой перспективную область исследований.

В сегодняшней антропоцентрической лингвистике бытует мнение о том, что исследование языка с когнитивной точки зрения может способствовать освещению более широкого круга вопросов, не являвшихся объектом рассмотрения в традиционной лингвистике. Это, например, вопросы соотношения семантики языковых единиц с проецируемым в них миром действительности, иными словами, корреляция языковых, семантических процессов с когнитивными.

Когнитивная лингвистика признаёт исключительную роль языка в процессах концептуализации и категоризации мира и рассматривает его как «средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [16, с. 9].

Для понимания того, как структурируется опыт человека в его памяти и сознании, и как отдельные фрагменты знания представлены в единицах языка, весьма эффективным представляется обращение к такой глобальной единице когнитивной семантики, как концепт.

Предметом рассмотрения в данной статье являются способы объективации концепта «Власть» фразеологическими единицами современного английского языка. Проводя исследование значения фразеологических единиц в рамках антропоцентрической лингвистики, мы, вслед за Н.Ф. Алефиренко, полагаем, что

когнитивная парадигма переводит исследование единиц вторичного знакообозначения на совершенно иной уровень познания [1].

Актуальность рассмотрения особенностей средств вербализации такого концепта как «Власть» определяется важностью исследования средств репрезентации этого чрезвычайно значимого для любого человека и общества феномена, составляющего неотъемлемую часть человеческих отношений в любом социуме.

Актуальным представляется также обращение к фразеологическим единицам, репрезентирующим данный концепт, поскольку, как справедливо отмечал А. В. Кунин «фразеология – сокровищница языка», а фразеологизмы – «высокоинформативные единицы языка» [17]. Подчеркивая связь между фразеологией, мышлением народа и его культурой, А. Ф. Артемова говорит о том, что «во фразеологических единицах взаимоотношение мышления, действительности и языка предстает в сложном и многоаспектном взаимодействии» [3, с. 15].

Анализируя возможности использования категорий когнитивной семантики – знаний различных типов, концептуальных структур и семантических сетей для исследования фразеологии на современном этапе, А.Ф. Артемова отмечает, что понятие когнитивной структуры фразеологического знания вытекает из положения психолингвистики о том, что между структурой предметной ситуации и семантической структурой высказывания находится когнитивная структура ситуации [3, с. 14].

Концепт – весьма абстрактное, сложное и многомерное образование, которое не обладает жесткой структурой. Поэтому для представления информации о его содержании используются разнообразные когнитивные модели, наиболее распространённой из которых является фрейм. В данной работе мы, вслед за В.Н. Телия, полагаем, что концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм [22, с. 96]. Иными словами, фрейм является когнитивной моделью, имеющей концептуальные основания.

Фрейм «Власть» можно представить в виде вершинных (обязательных) и терминальных (необязательных) компонентов, присущих типичной ситуации реализации власти. Это позволит не только получить некоторое представление о том, как структурированы знания о власти в человеческой памяти, но и выявить ряд языковых особенностей фразеологизмов, которые его репрезентируют.

Фразеологизмы, репрезентирующие концепт «Власть» отбирались методом сплошной выборки из большого англо-русского фразеологического словаря под редакцией А. В. Кунина [8], словарей американских идиом под редакцией Р. А. Спёрза [28; 29]. В результате было отобрано около 400 фразеологических единиц, среди которых представлены полностью или частично переосмысленные мотивированные и немотивированные фразеологические единицы *call the tune/shots, clip someone's wings, control the purse strings, have someone in one's pocket, have someone or something in one's hands, have the whip hand* и целый ряд других.

Фрейм понимается в данной работе как когнитивная модель ситуации обладания властью или реализации властного воздействия, имеющая концептуальные основания. Данная модель определяет семантическую специфику его репрезентантов.

Фрейм «Власть», образуют вершинные компоненты *субъект, объект и предикат*. К терминальным компонентам рассматриваемого фрейма можно отнести такие компоненты как *характеристика субъекта, характеристика объекта, цель, способ, средство, время, место* и другие. Структура фрейма «Власть» является сложной, поскольку этот фрейм является, как нам представляется, фреймом-сценарием. В таких фреймах компонент предикат фрагментируется, иными словами, состоит из целого ряда более мелких компонентов или этапов.

Рассмотрим подробнее характеристики компонентов фрейма «Власть».

Человек, наделенный властью, обозначаемый во фреймовой структуре компонентом *субъект*, представляет собой физическое или юридическое лицо, группу лиц, источник властного воздействия на управляемых, осуществляющий различные взаимосвязанные действия в ходе процесса управления для достижения поставленных целей.

Категория субъекта является во многом определяющей для семантики предложения-высказывания, что объясняет важное место, отводимое вопросам изучения субъектности и объектности в отечественной и зарубежной лингвистике. Универсальность субъектно-объектных отношений подчёркивалась многими лингвистами. В различных исследованиях рассматривались семантические, синтаксические, логические, психологические аспекты категории субъекта [2; 6; 7; 9; 14; 15; 19; 20 и др.].

В определении статуса компонента *субъект* и его концептуальных признаков мы, учитывая тенденцию современных исследований предикатно-аргументных отношений, ориентируемся не на частные семантические функции агенса, бенефактива и т. п., хотя, безусловно, принимаем их во внимание, а на понятие более высокого уровня абстракции. *Субъект* выступает как родовое понятие по отношению к семантическим ролям (падежам). Он соотносится с макроролью Актора (Actor) в концепции Ван Валина [26]. Обобщённое понятие субъекта наиболее полно раскрывает его сущность как языковой концептуальной категории, отражающей единство логико-денотативного и языкового аспектов, неязыковых и языковых знаний [6, с. 61].

В данной работе мы будем рассматривать отношения между компонентами *субъект*, *объект* и *предикат* фрейма «Власть» на основе анализа структуры пропозиции, так как вслед за А.В. Бондарко полагаем, что истолкование субъекта как субъекта пропозиции имеет не только логическую, но и лингвистическую значимость [9, с. 44].

Компонент *субъект* коррелирует с тем элементом ситуации управления, который выступает как субстанция, являющаяся

источником приписываемого ей неpassивного предикативного признака [9, с. 33]. Как источник неpassивного предикативного признака выступает тот, кто производит действие, источник свойства или процесса, носитель состояния, элемент отношения. Но все же основным признаком, определяющим, какой конститuent предложения-высказывания является репрезентантом компонента *субъект*, мы вслед за А.В. Бондарко считаем отражение того, кто в реальной действительности является производителем данного действия.

Находясь в тесной связи с другим обязательным элементом пропозиции – предикатом, субъект детерминирует глагольный предикативный признак, “выравнивая” или обобщая, таким образом, семантические роли разных глагольных предикатов [7, с. 103].

В языковой интерпретации субъекта, как отмечает А.В. Бондарко, определяющую роль играет основная разновидность субъекта – «агенс», который обозначает многих реальных производителей действия [9, с. 35], являясь прототипом общей категории субъекта и обладая наибольшим количеством её прототипических признаков. Субъект-агенс – это всегда одушевлённый участник ситуации, её намеренный инициатор, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является «источником энергии» этого действия [18; 23].

Ранее мы определили, что субъект обладает признаками агенса. Обозначим теперь основные категориальные признаки данной семантической категории. Обобщая прототипические признаки субъекта, рассматриваемые в работах различных авторов, и принимая во внимание характеристики субъекта-агенса, обозначенные выше, мы полагаем, что *субъект* ситуации реализации власти обладает четырьмя обязательными признаками: неpassивностью, намеренностью, контролируемостью, одушевлённостью.

Мы считаем термин «непассивность» подходящим для более широкого круга ситуаций управления и включающим понятие собственно активности. Вслед за А.В. Бондарко мы полагаем, что этот признак может проявляться в большей или меньшей степени [9, с. 40]. Под активностью в данной работе понимается использование субъектом собственной энергии для осуществления тех или иных действий [6, с. 65].

Намеренность мы определяем как сознательное намерение в осуществлении действий, их целенаправленность и преднамеренность [6, 7]. Это принципиально важный признак *субъекта*.

Признак контролируемости подразумевает роль *субъекта* в определении того, будет или не будет иметь место соответствующее положение вещей [10]. Он также характеризуется способностью *субъекта* инициировать или прекратить ситуацию по собственному усмотрению [19, с. 127].

Признак одушевленности также является важным признаком *субъекта* ситуации реализации властного воздействия. Осуществлять управление в обществе может только разумное человеческое существо или группа лиц. Неодушевленным может быть только грамматический субъект, который предполагает наличие в импликации одушевленного субъекта, способного осуществлять управление. Субъект-агенса, как отмечают многие исследователи, должен обязательно являться одушевлённым. Так, например, Ч. Филлмор утверждает: «...я просто предполагаю для всех агентов, что они являются одушевлёнными» [24, с. 163].

Все перечисленные выше признаки подчеркивают независимость субъекта в качестве отдельной семантической и грамматической категории и являются основанием для определения компонента *субъект* в качестве вершины фрейма «Власть».

Предикат как следующий вершинный компонент фрейма «управление» включает в себя информацию о многоэтапной деятельности, производимой человеком, наделенным властью.

В самом общем виде семантический предикат можно обозначить как «инвариант по отношению к таким вариантам, как действие, состояние, отношение, обозначение бытия» [9, с. 32]. Это приписываемый субъекту и способный сочетаться с объектом семантический признак действия, состояния, отношения, бытия, соотносящий содержание предложения-высказывания с действительностью.

Не вызывает сомнений тот факт, что отношением между семантическими категориями субъекта и объекта выступает предикат. Предикат является, по мнению многих учёных, центральным элементом пропозиции, в нашем случае пропозициональной когнитивной модели – фрейма «Власть». Не вызывает сомнений, что *субъект* и *предикат* взаимно детерминируют друг друга, находясь в состоянии двусторонней зависимости. Семантика глагольного предиката определяет семантический тип субъекта (субъект-агенса, носитель состояния и т. д.) [6; 7; 20]. Являясь ядром пропозиции и обладая определённым валентностным потенциалом, семантический предикат стремится создать своё окружение. Он определяет количество и состав участников ситуации (актантов), детерминируя при этом их семантические роли [21]. Предикат пропозиции включает в свою рамку актанты с указанием присущих им семантических ролей (в терминологии Ч. Филлмора, глубинных падежей).

С другой стороны, субъект как источник неpassивного предикативного признака детерминирует, каузирует этот признак [9, с. 35]. Под каузативностью, вслед за О.Н. Прохоровой, мы будем понимать воздействие на объект для совершения им действия [20, с. 174]. Наиболее чётко это воздействие выражено в случаях, когда субъект является агенсом.

Подобно компоненту *субъект, предикат* ситуации реализации властного воздействия обладает рядом категориальных признаков, несущих информацию о способе осуществления действия. Такими признаками являются коррелирующие с признаками компонента

субъект контролируемость и намеренность и присущие только *предикату* динамичность / статичность, локализованность / нелокализованность во времени, длительность / недлительность, оценочность.

Предикаты часто классифицируются по числу принимаемых ими и входящих в составляющую глагола актантов. На этом, как справедливо отмечает В.З. Демьянков [12], основаны работы – Л. Теньера (актантный синтаксис), А.А. Холодовича (валентностный синтаксис), С.Д. Кацнельсона (структура «предикат + предикандумы»), Ч. Филлмора (падежная грамматика), И.П. Сусова (реляционная структура с релятором и релятами – аналог пропозиции с её предикатом и актантами). В зависимости от числа актантов предикаты управления могут быть одноместными “to preside и двухместными “to manage”.

Таким образом, вершинный компонент *предикат*, являясь конструктивным ядром пропозиции, содержит информацию о потенциальных участниках ситуации реализации власти и способе осуществления действия.

Определяя вершинный компонент фрейма *объект* и выделяя его основные признаки, мы будем основываться на том же подходе, который был принят в отношении компонента *субъект*.

Говоря об объекте, мы будем иметь в виду тот элемент ситуации, «который выступает как зависимая от предиката неактивная субстанция, на которую направлен или которой, так или иначе, касается предикативный признак» [9, с. 41]. Другими словами, объект – это тот элемент события, на который оно направлено, он вовлечён в него тем или иным образом [6, с. 67].

Из данного определения следует, что объект, являясь противоположностью субъекта, должен быть противопоставлен ему по всем основным признакам – одушевлённости, активности, намеренности, контролируемости. *Субъект* ситуации реализации властного воздействия действительно противопоставлен объекту по

трьём последним признакам. Противопоставить данные компоненты фрейма по признаку одушевлённости можно лишь частично, поскольку *объект*, о чём свидетельствует фактический материал, может быть как одушевлённым, так и неодушевлённым. При этом мы соглашаемся с А.В. Бондарко в том, что «объект нельзя трактовать как симметричное соответствие субъекту «по другую сторону от предиката» [9, с. 41].

Как видно, подобно *субъекту* и *предикату*, *объект* и *предикат* также взаимно детерминируют друг друга, что отмечается многими другими учёными, подчеркивающими тесную связь объекта и предиката на синтаксическом уровне. Так, Н.Д. Арутюнова полагает, что объектно-предикатные отношения существенны для понимания смысловой стороны предложения, и именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или уничтожение [4, с. 125]. А. Кенни подчёркивает особую роль прямого объекта в английском языке, так как английский глагол связывает событие скорее с пациенсом, чем с агенсом, поскольку в результате осуществления обозначаемого им действия происходят изменения именно в объекте [27].

Общепринятым является разделение грамматических объектов на одушевлённые/неодушевлённые, прямые и косвенные и т. д.

Принимая во внимание понятие «пациенс», мы считаем основными признаками *объекта* инактивность, претерпевание видоизменения, вовлечённость в предикативный признак и зависимость от *предиката*.

Под инактивностью (неактивностью) мы будем понимать «противоположность неpassивности субъекта» [9]. Претерпевание видоизменения – это результативное воздействие на объект, при котором последний определённым образом изменяется для достижения целей субъекта [6].

Вовлечённость в предикативный признак («комплетивность предикативного признака») означает семантическую недостаточность

предикативного признака без объекта [6]. Речь идёт о взаимной обусловленности и взаимозависимости объекта и предиката.

Зависимость от *предиката* (в первую очередь смысловая) – это противоположность функции субъекта как каузирующего источника приписываемого субъекту предикативного признака [9].

Говоря о наличии вышеперечисленных признаков у *объекта*, нужно подчеркнуть, что *объект* ситуации реализации властного воздействия подчинён воле *субъекта* и действует в соответствии с ней. Он обязательно изменяется нужным для *субъекта* образом в результате производимых им действий.

Наличие терминальных компонентов в структуре фрейма «Власть» определяется каждой конкретной ситуацией, соответственно, они не подлежат обязательной экспликации в предложении-высказывании.

Терминальными компонентами, характеризующими компонент *предикат*, являются, как представляется, *цель, способ, средство, время, место*. Рассмотрим их подробнее.

Цель – это желаемый и планируемый результат любого действия, «место, к которому что-то движется» [11]. Вслед за Н.Д. Арутюновой мы считаем, что цель является организующим началом большого комплекса понятий, относящихся к человеческой деятельности, так как она побуждает к действию [5, с. 14]. *Цель* должна обязательно присутствовать в структуре деятельности управляющего, определяя всю его деятельность, выбор способа управления и методов, с помощью которых оно должно осуществляться. Мы относим данный компонент к терминалам фрейма на том основании, что он недостаточно репрезентативен на языковом уровне. *Цель*, безусловно, является неотъемлемой частью ситуации реализации власти в реальной действительности.

Цели могут определяться особенностями положения государства или предприятия, личными качествами самого руководителя, т.е. компонент *цель* связан с терминалами

характеристики субъекта и характеристики объекта. Таким образом, очевидной становится детерминирующая роль и связь данного терминального компонента с другими.

Компонент *способ* определяет характер действий лица, наделенного властью. Он может давать информацию об эффективности/неэффективности управления, количестве участников ситуации, полноте власти, которой наделён управляющий, а также о методах, применяемых субъектом. Он теснейшим образом связан с компонентом *средство*, поскольку именно способ в большей степени определяет выбор средства.

Средство или инструмент мы будем, вслед за В.А. Ямшановой, понимать широко, как все то, «посредством чего субъект осуществляет соотнесённое с целью действие» [25, с. 167]. Это может быть предмет, действие, состояние, свойство. Она также полагает, что эта категория выступает как одноранговая по отношению к категориям субъекта и объекта, так как ситуацию «субъект-предикат-объект» можно трактовать как инструментальную. Инструмент, как отмечают И.П. Иванова и др., предполагает осознанное, намеренное действие и встречается лишь в структурах, содержащих агенса [13]. Выбор средства управления (методов, законов, распоряжений и т. д.) определяется характером управляющего воздействия, личными качествами управляющего субъекта, поставленными целями, особенностями объекта управления.

Компонент *время* может указывать как на точное время, когда производится действие, так и свидетельствовать о длительности действия. Безусловно, придавая дополнительные характеристики *предикату*, он является в то же время обособленным и не имеет прочных связей с другими терминальными компонентами. Можно, вероятно, отметить связь компонента *время* с компонентом *характеристики субъекта*, так как личные качества управляющего, определяя эффективность его работы, позволяют ему оставаться на руководящей должности в течение определённого времени.

Установив, что субъектом может являться человек или группа лиц, можно сказать, что количество данных, его характеризующих, может быть велико (внешние данные, особенности характера и темперамента, возраст, профессия, семейное положение, интересы, отношение к нему других и т. д.), мы назвали терминал фрейма, дающий дополнительную информацию о субъекте управления, *характеристики субъекта*.

Подобное может быть сказано о компоненте *характеристики объекта*, является он одушевлённым или нет. Он несет информацию обо всех качествах и свойствах объекта. Компоненты *характеристики субъекта* и *характеристики объекта* находятся в непосредственной связи с соответствующими вершинными компонентами *субъект* и *объект*. Личные качества субъекта и объекта могут во многом определять характер властного воздействия и выбор методов управления.

Компонент *место* может быть также выделен в качестве терминала. Он коррелирует с семантическим падежом локатив, который, как отмечает Ч. Филлмор, характеризует местоположение [24, с. 164].

В целом можно отметить, что между терминальными компонентами существуют определённые связи, которые не столь крепки, чем связи между вершинами фрейма. Несомненна также связь вершинных компонентов с терминалами.

Фрейм «Власть» моделируется на основании концептуального анализа, анализа фактического материала и лексикографических толкований фразеологизмов со значением власти.

В семантике фреймов считается, что семантические особенности лексем и фразем определяет сумма компонентов и признаков фрейма, на которых акцентируется внимание. Эти компоненты и признаки «профилируются» или «высвечиваются», иными словами, выдвигаются на первый план в структуре фрейма.

Продemonстрируем данное положение на примерах. Обратимся к анализу фразеологических единиц, профилирующих в структуре фрейма компонент *субъект*.

Группа фразеологических единиц, акцентирующих внимание на данном компоненте фрейма, отражает его в максимально общем виде, в значении «руководитель, человек обладающий властью». Это субстантивные фразеологические единицы a big pot (bug, card, gun, noise, shot, wig, cheese, dog, fish, number, wheel) – «важная особа, шишка, главарь»; right bower – «важная персона, «шишка»»; top dog – «хозяин положения, господствующая сторона»; at the helm – «у власти»; the leading man – «выдающийся человек»; the man at the wheel – «руководитель»; Mr. Big – «большой босс»; the powers that be – «сильные мира сего»; the reins of government – «бразды правления»; a great gun – «важная персона, «шишка»»; at the head – «во главе»; the tongue of the trump – «главарь, босс, руководитель»; the whole cheese (show) – ««шишка», единственная важная персона».

Большим количеством субстантивных, глагольных и коммуникативных фразеологических единиц акцентировано внимание на терминальном компонента фрейма «Власть» *характеристика субъекта*. Мы выделили здесь три группы фразеологических единиц. Первая отражает принадлежность субъекта к определенному государственному институту, ветви власти: secular arm – «светская власть»; the inner cabinet – «кабинет министров в узком составе»; a kitchen cabinet – «неофициальные советники президента»; a captain of industry – «промышленный магнат»; the president's official family – «члены кабинета министров»; city fathers – «члены городского управления»; caretaker government – «переходное правительство»; the man higher up – «политический босс»; the man on the horseback – «военный диктатор»; power of the keys – «папская власть».

Следующая группа фразеологических единиц передает значение обладания властью определенной группой лиц в определенной ситуации: power of pit and gallows – «право баронов топить и вешать

преступников»; power of life and death – «право распоряжаться жизнью и смертью»; the mistress of the situation – «хозяйка положения»; the master of the situation – «хозяин положения»; the ball is at smb.'s feet – «хозяин положения».

В большом количестве фразеологических единиц в качестве субъекта названо определенное лицо, например: father of his country – «отец отечества, прозвище Вашингтона»; petticoat government – «бабье царство, женское засилье»; the upper four hundred – «четыреста семейств (верхушка американского промышленного капитала)»; lord and master – «супруг и повелитель»; the mistress of the Adriatic – «владычица Адриатики»; the mistress of the seas – «владычица морей»; might is right – «кто сильный тот и прав»; green power – «власть денег»; the great fish eat up the small – «кто сильный тот и прав»; the body politic – «государство»; the ship of state – «государственный корабль, государство»; a state within a state – «государство в государстве»; the big stick – «политика силы, политика большой дубинки»; Downing street – «английское правительство»; the wheels of state – «государственная машина» under smb.'s thumb – «во власти кого-либо, под башмаком у жены».

Ряд фразеологизмов способен объективировать два компонента в структуре фрейма. Так фраза old man – «хозяин, начальник, капитан корабля» профилирует компоненты *субъект* и *объект*, а фраза new lords new laws – «новая метла по-новому метет» – компоненты *характеристика субъекта* и *способ*.

Существует также большая группа единиц, объективирующих одновременно компоненты *субъект* и *объект*, имеющая значение «взять себя в руки, владеть собой, быть хозяином своей судьбы»: be free, white and twenty-one; be the captain of one's soul; get a grip of oneself; be one's own mistress; pull oneself together; get oneself in hand; the master of one's destiny; he is not fit to command others that cannot command himself – «кто не может управлять собой не может управлять

и другими»; *control one's temper* – «сдерживаться, владеть собой, проявлять выдержку».

Вторым вершинным (или обязательным) компонентом фрейма является компонент *объект*. В наиболее общем виде данный компонент профилируется фразеологизмами *the under dog* – «подчиняющаяся сторона»; *cut no ice* – «не иметь веса, влияния»; *at the mercy of smb.* – «во власти кого-либо».

Целый ряд глагольных фразем способны «высвечивать» в структуре фрейма два вершинных компонента – *предикат* и *объект*: *take dictation* – «подчиняться чьей-то воле, диктату»; *sit at smb.'s feet* – «преклоняться перед кем-либо»; *hand it to smb.* – «признавать превосходство, отдавать должное»; *be in hand* – «быть в подчинении, под контролем»; *be in smb.'s hands* – «быть в чьем-то распоряжении»; *answer the helm* – «подчиняться, слушаться»; *bend the knee to smb.* – «покориться, подчиниться»; *follow smb.'s steps* – «быть верным последователем, следовать примеру, идти по стопам»; *dance (pipe) to smb.'s tune* – «плясать под чью-либо дудку, ходить по струнке»; *fling on smb.'s mercy* – «сдаться на милость победителя»; *lose one's grip* – «утратить контроль».

Фразеологическая единица *be beneath (under) smb.'s foot* – «быть под пятой, в полном подчинении» также способна объективировать два компонента фрейма «Власть» – *способ* и *объект*.

Ранее мы описали единицы, способные профилировать в структуре фрейма терминальный компонент *характеристики субъекта*. Для терминального компонента *характеристика объекта* в ходе исследования были выявлены фраземы *handle the ribbons* – «править лошадьми»; *hold the purse strings* – «контролировать расходы» обозначающие определенный объект.

Пожалуй, важнейшим из вершинных компонентов фрейма является *предикат*. Он включает в себя информацию о действиях, которые осуществляет человек, обладающий властью. Как и остальные вершинные компоненты компонент *предикат* может быть

профилирован фразеологическими единицами, передающими значение осуществления властного воздействия в наиболее общем виде: hold in leash – «держат в повиновении»; be in charge – «руководить, заведовать»; play first fiddle – «занимать руководящее положение»; have a hold over smth. – «иметь власть»; give a lead – «подавать пример, руководить»; hold the reigns – «управлять, повелевать»; rule the roost – «командовать, повелевать, руководить»; sway the sceptre – «править, царствовать»; divide and rule – «разделяй и властвуй»; hold the balance – «осуществлять контроль, управлять, обладать властью»; call the shots – «заправлять, командовать»; hold sway – «господствовать, царить, управлять»; boss (run) the show – «контролировать, руководить, заправлять, распоряжаться»; come the old soldier over smb. – «командовать, поучать»; sit on one's throne – «сидеть на троне, царствовать, править»; call the tune – «задавать тон, хозяйничать»; lead the way – «идти во главе, вести за собой, возглавлять»; wheel and deal – «заправлять, вершить дела».

Следующая группа глагольных фразеологизмов акцентирует внимание на оказании давления или влияния обладающим властью субъектом: play the leading role – «играть ведущую роль, оказывать влияние»; bring pressure to bear on – «оказывать давление»; keep one's hold over smth. – «удерживать власть, оказывать влияние»; force smb.'s hand – «принудить, заставить»; carry (hold) guns – «быть влиятельным человеком»; carry authority – «пользоваться авторитетом, иметь вес»; hold in awe – «внушать страх, трепет»; get under smb.s skin – «произвести впечатление, захватить, увлечь»; go for a long way – «иметь большое влияние или значение»; swing one's weight – «использовать свое влияние».

Три фразеологизма bear the bag, have the ball at one's feet, have the game in one's hands передают значение «быть хозяином положения, быть в выигрышном положении», а фраземы gain an advantage of и have the upper hand – значение «взять верх, иметь превосходство, перевес».

Ранее уже отмечалось, что фрейм «Власть» является фреймом-сценарием, то есть включает в себя ряд действий лица, наделенного властью. Реализация властного воздействия, управление – чрезвычайно сложные феномены, состоящие из нескольких этапов. Список этих этапов открыт и может включать самые разнообразные действия лица, обладающего властью. Обратимся к фактическому материалу. К фразеологизмам, способным отражать разные этапы деятельности человека, обладающего властью, мы отнесли следующие: *word of command* – «устная команда»; *leave word* – «оставить записку с поручением, приказанием»; *give smb. what for* – «проучить, наказать, показать, где раки зимуют»; *be in the chair, take the chair* – «председательствовать»; *read the Riot Act* – «приказать толпе разойтись»; *use the strong arm* – «применить силу, оружие»; *keep smb. in blinkers* – «ограничить свободу действий»; *hold in check* – «контролировать, сдерживать»; *put one's foot down* – «занять твердую позицию, запретить»; *put into force* – «вводить в действие»; *put the frighteners in* – «запугивать»; *give somebody his marching orders (walking orders, walking papers, walking ticket), give the kick (mitten, push, sack)* – «уволить, выгнать»; *tighten one's grip on smth.* – «укрепить свою власть»; *take the helm of a state* – «взять бразды правления в свои руки, стать у кормила власти»; *lay down the law* – «предписывать, командовать»; *take the lead* – «взять руководство, стать во главе»; *call to order* – «призвать к порядку»; *keep smb. in his proper place* – «ставить на место, держать в подчинении»; *come to power, seize (take) the power* – «прийти к власти»; *tighten the screw* – «повышать требования»; *take one's seat* – «приступить к выполнению обязательств»; *give smb. the rough side of one's tongue* – «дать нагоняй, взбучку, отчитать, отругать».

Важнейшим и широко представленным в семантике фразеологических единиц компонентом является способ осуществления властного воздействия. Среди фразеологических

единиц, способных профилировать данный компонент фрейма «Власть» можно выделить три подгруппы.

Фраземы первой подгруппы выражают значение полного подчинения: *be wax in smb.'s hands* – «быть как воск в чьих-либо руках, подчиниться всецело чужой воле, быть слепым орудием в чьих-либо руках»; *have (keep) smb. on the string* – «всецело подчинить, вести на поводу»; *the iron heel* – «иго, железная пята»; *a tight rein* – «строгая дисциплина, ежовые рукавицы»; *keep smb. in cotton-wool* – «чрезмерно оберегать»; *get by the short hairs* – «командовать, держать в ежовых рукавицах»; *bind hand and foot* – «связать по рукам и ногам»; *get the whip hand* – «держат в полном подчинении»; *have (hold, keep) in hand* – «держат в подчинении, в руках»; *keep a firm (tight) hand on smb.* – «держат в подчинении, в ежовых рукавицах»; *have (hold) smb. in the hollow of one's state* – «держат в руках, полностью подчинить»; *hold the keys* – «держат под контролем, иметь полную власть»; *keep smb. in line* – «контролировать, сдерживать, держать в ежовых рукавицах»; *lead smb. by the nose* – «вести на поводу, заставлять слепо повиноваться»; *have (hold) smb. in the palm of one's hand* – «держат в ежовых рукавицах, заставить слепо повиноваться»; *keep a firm rein on smb.* – «держат в полном подчинении, в ежовых рукавицах»; *rule with a heavy (iron) hand, rule with a rod of iron* – «править деспотически»; *turn (twist, wrap, wind) smb. round around one's little finger* – «помыкать, вить веревки, обвести вокруг пальца». Последняя фразема, помимо полного подчинения, передает также значение реализации власти при помощи хитрости.

Фразеологизмы второй группы передают значение тайного осуществления власти: *power broker* – «закулисный политический деятель»; *a shadow cabinet* – «теневой кабинет»; *the invisible government* – «закулисное правительство, монополии, диктующие свою волю»; *backstairs influence* – «тайное, закулисное влияние»; *the power behind the throne* – «невидимая власть»; *pull the strings* – «стоять

за спиной, тайно влиять на ход событий»; hold the ring – «руководить борьбой, но не быть ее участником».

Третья группа фразеологизмов малочисленна и представлена тремя фраземами, которые, высвечивая в своем значении компонент фрейма *способ*, передают значение запугивания, террора: put fear in smb.'s heart – устрашать, запугивать, терроризировать; trample (tread) under foot – подавлять, тиранить; crack the whip – «щелкать хлыстом», запугивать, угрозами добиваться повиновения.

Три фразеологические единицы способны профилировать в структуре фрейма терминальный компонент *место*. Это фраземы better reign in hell than serve in heaven – «лучше править в аду, чем служить в раю»; a big fish in a small pond – «местный туз, заправила», local option – право жителей округа контролировать или запрещать что-либо; wear the breeches (pants, trousers) – «верховодить в доме, быть главой семьи».

Терминальный компонент *время*, характеризующий вершинный компонент *предикат*, «высвечивает» в своем значении фразеологизм king for a day – «калиф на час».

Таким образом, в данной работе мы рассмотрели фразеологические единицы, репрезентирующие фрейм «Власть», которые профилируют или «высвечивают» в структуре фрейма вершинные компоненты *субъект*, *объект*, *предикат*, а также терминальные компоненты *характеристика субъекта*, *характеристика объекта*, *способ*, *время*, *место*.

С помощью методики семантики фреймов удалось значительно расширить круг фразеологических единиц, способных репрезентировать фрейм «Власть», включив в него те, которые могут вербализовывать лишь отдельные этапы реализации властного воздействия, которые способны активировать весь фрейм по принципу метонимического переноса или его признаки.

Главным результатом проведенного нами исследования является получение представления о том, как структурированы знания

о власти в сознании человека, так как фрейм является когнитивной пропозициональной моделью, включающей в себя весь комплекс знаний относительно стереотипной ситуации реализации власти.

Важным результатом исследования является подтверждение одного из ведущих положений фреймовой семантики о том, что фразеологическая единица приобретает своё значение благодаря «высвечиванию» (профилированию) определённого участка когнитивной структуры, лежащей в её основе. Набор компонентов и/или признаков, выходящих на первый план, когда остальные игнорируются, обеспечивает семантическое своеобразие каждой фраземы.

Полученные результаты свидетельствуют об успешном решении в ходе исследования поставленных задач, но в процессе работы намечился ряд вопросов, выходящих за рамки настоящего исследования, но представляющих перспективу для дальнейшего исследования. Так, интересным будет представить метафорическую природу данного фрейма на примере концептуальной метафоры “Having control or force is up; being subject to control is down”. Важным будет и сопоставительное исследование, которое позволит выявить национальную специфику восприятия столь сложного феномена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивно-когнитивные истоки семантики единиц вторичного знакообозначения // I Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2001. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/kogn_aspect.doc
2. Амирова О.Г. Семантическая модель английских глаголов управления: на материале англ. глаголов управления govern, rule, manage, run: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2002. 26 с.

3. Артемова А.Ф. Английская фразеология. Спецкурс. Учебное издание. 2-е издание, испр. и доп. А.Ф. Артемова М.: Высшая школа, 2009. 208 с.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семант. пробл. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: модели действия: сб. статей / РАН, Ин-т. языкознания / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М., 1992. С. 14-23.
6. Болдырев Н.Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность / РАН, Ин-т. лингв. исслед. СПб., 2003. С. 54-74.
7. Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: систем. и функцион. Аспекты / Рос. гос. пед. ун-т. им. А.И. Герцена. СПб.: РГПУ: ТГУ, 1994. 171 с.
8. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. 6-е изд., исправл. М.: Живой язык, 2005. 944 с.
9. Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / РАН, Ин-т. лингв. исслед. СПб., 1992. С. 29-71.
10. Бульгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / АН СССР, Ин-т. языкознания. М., 1982. С. 7-85.
11. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1984. 112 с.
12. Демьянков В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1980. № 4. С. 336-346.

13. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. М.: Высш. шк., 1981. 285 с.
14. Касевич В.Б. Субъектность и объектность. Проблемы семантики // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / РАН, Ин-т. лингв. исслед. СПб., 1992. С. 5-29.
15. Кибардина С.М. Функции субъекта и объекта в аспекте теории валентности // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / РАН, Ин-т. лингв. исслед. СПб., 1992. С. 100-110.
16. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / РАН, Ин-т. языкознания. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 555 с.
17. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 3-е изд., стереотип. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
18. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
19. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 464 с.
20. Прохорова О.Н. Синтаксис связанных структур образованных по типу комплексов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. СПб, 1995. 390 с.
21. Сусов И.П. Пропозициональная структура предложения. Модуль 5. Основы общего синтаксиса // Введение в теоретическое языкознание: электрон. учеб. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2006. URL: http://homepages.tversu.ru/%7Eips/5_02.htm.
22. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 288 с.

23. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис: учебник. М.: РГГУ, 2001. 796 с.
24. Филлмор Ч. Дж. Дело о падеже // Новое в лингвистике: зарубежная лингвистика: избр.: пер. с англ., нем., фр. / под общ. ред. В.А. Звегинцева и др. М., 1999а. Т. 3. С. 127-258.
25. Ямшанова В.А. Инструментальность и субъектно-объектные отношения // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / РАН, Ин-т. лингв. исслед. СПб., 1992. С. 167-188.
26. Advances in role and reference grammar [Text] / ed. by R. D. Van Valin. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 1993. 569 p.
27. Kenny A. Action, Emotion and Will. L.: Routledge & K. Paul, 1963. 250 p.
28. Spears R.A. McGraw Hill's Dictionary of American idioms. McGraw-Hill. 2005. 1080 p.
29. Spears R.A. NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. NTC Publishing Group. 1997. 419 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Доморников Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин АНО ООВО «Университет экономики и управления», г. Симферополь, Российская Федерация.

Дрыгина Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация.

Малик Лариса Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы и социальной безопасности ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», город Архангельск, Российская Федерация.

Мелкая Лия Александровна – аспирант ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», город Архангельск, Российская Федерация.

Суховская Дарья Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация.

Черникова Лидия Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал), г. Симферополь, Российская Федерация.

Ягупова Екатерина Анатольевна – доктор экономических наук, доцент кафедры государственных финансов и банковского дела ФГУАО ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Российская Федерация.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
--------------------------	----------

<i>Глава 1. Суховская Д.Н.</i> СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ГОРОДОВ СКФО И ЮФО	5
---	---

<i>Глава 2. Черникова Л.Ф., Ягупова Е.А., Доморников А.Н.</i> РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ АСПЕКТ.....	27
--	----

<i>Глава 3. Малик Л.С., Мелкая Л.А.</i> ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ	53
---	----

<i>Глава 4. Дрыгина Ю.А.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРЕЙМА «ВЛАСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)	77
--	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	100
---------------------------------	------------

Научно-исследовательский центр
АнтроВита

Научно-исследовательский центр «АнтроВита» — организация, занимающаяся актуальными научными разработками в социально-политической, социально-экономической и гуманитарной сферах с дальнейшим внедрением их в практику управления и бизнеса.

Приглашаем ученых, преподавателей вузов и практикующих специалистов участвовать в издании наших научных трудов.

*«АнтроВита» оказывает коммерческие услуги
ДИСТАНЦИОННО
на территории всей России.*

Наш сайт - <http://soc-is.ru/>.

Научное издание

**ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД**

Монография

Под общей редакцией
Решиковой Светланы Петровны

Подписано к изданию 08.05.19.
Усл. печ. л. 6.0.
Сетевое неперидическое издание
Размер файла 860 КБ.
Адрес размещения в сети Интернет:
www.soc-is.ru

Научно-исследовательский центр «АнтроВита»